

В. А. ЯНИН

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ
СРЕДНЕВЕКОВОГО
НОВГОРОДА

Валентин Янин

**Очерки истории
средневекового Новгорода**

«Языки Славянской Культуры»

2008

Янин В. Л.

Очерки истории средневекового Новгорода / В. Л. Янин —
«Языки Славянской Культуры», 2008

Средневековый Новгород всегда привлекал внимание исследователей. Для одних он почитался как родина российской монархии. Для других стал символом республиканских устремлений и колыбелью вечевой демократии. Масштабные археологические исследования Новгорода в последние десятилетия многократно умножили сумму источников по истории этого города и государства. Открытие берестяных грамот, число которых сегодня приближается к 1000, позволило услышать голоса новгородцев, живших в XI–XV столетиях, и решить многие проблемы, считавшиеся раньше спорными. Стал понятным механизм возникновения новгородского боярства и боярского землевладения. Выяснены этапы формирования республиканских органов управления государством. Обозначилась роль Новгорода в системе европейских торговых и культурных связей. Максимально уточнилась роль приглашаемого в Новгород князя, деятельность которого была резко ограничена. Вместе с тем сделался понятным кризис вечевого строя, наступивший во второй половине XV века, когда приобщение к власти боярства в целом привело новгородское общество к разочарованию в справедливости боярской власти, что максимально облегчило для Ивана III задачу присоединения Новгорода к Москве. Эта акция стала основой возникновения Российского государства. Освещению этих и многих других проблем истории средневековой Руси посвящена предлагаемая читателю книга очерков. Книга подготовлена к изданию при поддержке проекта Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого «Великий Новгород в мировой и отечественной истории и культуре» в рамках аналитической ведомственной программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2006–2008 годы)». Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) проект № 07-01-16108

© Янин В. Л., 2008

© Языки Славянской Культуры, 2008

Содержание

Предисловие	6
Введение	8
Новгородская земля до возникновения Новгорода	11
Становление Новгорода	21
Новгород во времена Ярослава Мудрого и его ближайших преемников	26
Успехи боярства в борьбе за власть в конце XI – начале XII вв.	32
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Валентин Лаврентьевич Янин

Очерки истории средневекового Новгорода

*Посвящаю моим друзьям и коллегам,
которые любят Новгород так же, как я*

Предисловие

Впоследние десятилетия ко мне не раз обращались коллеги, ученики, друзья с настоятельной просьбой написать историю Новгорода. Однако я считаю, что создание полноценной истории средневекового Новгорода в настоящее время невозможно, прежде всего потому, что до сих пор не все аспекты многообразной жизни этого города изучены в полной мере. Вместе с тем необходимость связного последовательного изложения истории уникального центра средневековой Руси, каким был Новгород, давно назрела.

В предлагаемых читателю «Очерках истории средневекового Новгорода» основное внимание уделено возможностям археологического изучения проблемы, которая прежде изучалась на материалах летописей и немногочисленных письменных источников. В Великом Новгороде работает основанная в 1932 г. Артемием Владимировичем Арциховским экспедиция, отметившая в 2007 г. свое 75-летие. Главный ее успех состоит в открытии берестяных грамот XI–XV вв., число которых к концу полевого сезона 2007 г. достигло 961. Еще 41 грамота найдена в Старой Руссе и 19 в Торжке – древних новгородских городах. Если учесть, что до открытия берестяных грамот существовало только три аутентичных памятника гражданской истории, датируемых XI – первой половиной XIII вв. и что число берестяных грамот того же времени уже превысило 400 экземпляров, станет очевидным громадный потенциал вновь открытых текстов.

Я впервые участвовал в раскопках Новгорода в 1947 г., после окончания первого курса Московского университета и тех пор навсегда связал свою судьбу с изучением средневековой истории этого города.

В 1962 г. А. В. Арциховский сделал меня своим преемником на посту начальника Новгородской экспедиции. За шестьдесят лет моего участия в раскопках Новгорода мне довелось пережить два поистине звездных часа. В 1951 году я был свидетелем открытия первой берестяной грамоты. А в 2000 году стал первым читателем найденной тогда древнейшей во всем славянском мире датированной книги – обнаруженной при раскопках «Новгородской псалтыри», пособия, по которому учились первые новгородские христиане в конце X – начале XI века.

Посвятив свои научные изыскания в первую очередь политической истории средневекового Новгорода, я избрал основным инструментом этих изысканий метод комплексного исследования, сочетающий исследовательские методики разных научных дисциплин. Летописные известия должны проверяться средствами археологии. Давно ставшие самостоятельными в своей методике нумизматика, сфрагистика, генеалогия, историческая география и прочие так называемые «вспомогательные дисциплины истории» нуждаются в перекрестной проверке, дополняющей выводы, сделанные при изучении письменных и археологических источников. Только сочетание в исследовании всех этих на первый взгляд разнородных дисциплин способно прояснить путь движения к истине.

Этот методический подход и положен в основу тех очерков средневековой истории Великого Новгорода, которые вам, дорогой читатель, предстоит прочесть.

Выражаю искреннюю признательность всем тем, кто побуждал меня к работе над этой книгой. Особые слова благодарности обращаю к моей жене, Елене Александровне Рыбиной, за

активную помощь в подготовке к изданию этой книги: редактировании текста, подборе иллюстраций, авторском участии в очерке «Культура Новгорода на общерусском фоне» и написании очерка «Международные связи Новгорода».

Москва, март 2008 г.

Введение

Средневековый Новгород с его своеобразным политическим устройством всегда привлекал внимание исследователей. Со времен А. Н. Радищева и декабристов он был в центре внимания передовой общественной мысли России как идеал свободолюбия и колыбель вечевой демократии. Научные представления об истории Новгорода в течение длительного времени формировались на основе традиционных письменных источников. Масштабные археологические исследования Новгорода в последние десятилетия многократно умножили сумму источников по истории этого города и государства. Открытие берестяных грамот, число которых сегодня приближается к 1000, позволило услышать голоса новгородцев, живших в XI–XV столетиях, и решить многие проблемы, считавшиеся раньше спорными.

Традиционные представления о раннем Новгороде, прочно утвердившиеся в научной литературе XIX – середины XX вв., могут быть сведены к следующим положениям. Население северозападных областей Восточной Европы сформировалось в конце I тысячелетия н. э. главным образом за счет притока славян с юга, из Среднего Поднепровья, а сам Новгород возник в IX столетии как форпост Киевского государства на его северных рубежах.¹ Экономический рост Новгорода в IX – начале XII вв. привел к торжеству в нем сепаратистских тенденций, к борьбе за политическую независимость, что в 1136 г. позволило боярству Новгорода в результате успешного восстания лишиться князя верховной власти и создать боярскую республику во главе с избираемым на вече посадником. В дальнейшем институты республиканской власти прогрессировали, усиливая своеобразие Новгорода, возникшее, таким образом, в первой половине XII в.

Изложенному представлению соответствовали и лингвистические концепции, постулировавшие наличие языкового единообразия на всей территории расселения восточных славян в раннюю эпоху и возникновение областных диалектов в эпоху удельной раздробленности, т. е. начиная с того же XII столетия.

Между тем в последние десятилетия наука постепенно накапливала факты, свидетельствующие о существовании исторического своеобразия Новгорода задолго до решающих преобразований 1136 г. и о наличии существенных различий в политическом устройстве, языке, денежно-весовой системе. Оказалось, что княжеская власть, в том аспекте, который имеет отношение к Новгороду, не привнесена распространением на Новгород политической системы Киевской Руси. Напротив, импульс к объединению Северо-Западных и Южных русских земель был дан не из Киева, а из Новгорода известным походом Олега 882 г., когда Киев был завоеван новгородским князем, перенесшим туда свою резиденцию.

Уже в 80-е годы XI в. наряду с княжеской властью в Новгороде конституируется представительный орган боярства – посадничество. Еще в X в. способы сбора государственных доходов в Новгородской земле резко отличались от тех, которые употреблялись на юге Руси. Там князь с дружиной осуществлял дважды в году цикл полюдья; а на Северо-Западе утвердилась система погостов, сама многочисленность которых требовала участия значительного аппарата сборщиков.

Принципиальное значение имеет также следующее обстоятельство. Было установлено, что крупная частная собственность на землю – основа экономического могущества новгородских бояр – возникает не ранее рубежа XI–XII вв. Однако успехи антикняжеской борьбы боярства очевидны уже в тот период, когда боярской вотчины в Новгороде не было. История же боярских усадеб в результате археологических раскопок изучена на протяжении X–XV вв.,

---

¹ См., например: Рыбаков Б. А. Первые века русской истории. М., 1964; Он же. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1993.

а характеристика таких усадеб не обнаруживает никакого изменения, которое можно было бы связать с возникновением вотчины. И в XII–XV вв., и в X–XI вв. боярская усадьба в ее поразительно стабильных границах является центром переработки продуктов сельского хозяйства и ремесла. Ремесло на этих усадьбах обеспечивалось сырьем преимущественно импортного происхождения, поступавшим за счет торговли продуктами сельского хозяйства, охоты и рыбного промысла. Это значит, что само новгородское боярство с самого начала и составляло аппарат сборщиков государственного дохода, чем ранняя система административного управления в Новгородской земле кардинально отличалась от той, которая свойственна южно-русским землям.²

Весьма любопытную картину открывает топография древнейших монетных находок, которая показывает существование не только в IX, но даже и в XI в. двух экономически замкнутых областей с особыми денежно-весовыми системами в каждой: одна – на юге, а другая – на северо-западе Восточной Европы.³ Показательно, что южная денежно-весовая система была ориентирована на византийскую литру, а северная – на западноевропейскую марку.

Весь комплекс накопленных наукой за последние десятилетия фактов убедительно свидетельствует о том, что на заре формирования феодальных отношений в Древней Руси существовали два главных ядра новой государственности, возникшие независимо одно от другого: «Русская земля», политическим центром которой стал Киев, и Северо-Западная Русь с центром в Новгороде. Их объединение в конце IX в. с передачей верховенства Киеву сделалось фундаментом возникновения того грандиозного явления, которое историки позднее назвали Древнерусским государством или Киевской Русью. В этом и состоит главная историческая роль Новгорода на раннем этапе его существования.

* * *

В XV в. Новгороду суждено было сыграть выдающуюся роль в истории нашей страны. Речь идет о завершающем этапе новгородской независимости. На протяжении многих столетий Новгород отстаивал свою независимость не только от иноземных агрессоров, но и от попыток сильнейших русских князей подчинить его своей воле. Важнейшими историческими этапами этой борьбы было сопротивление новгородцев киевским князьям в XI–XII вв., знаменитая победа новгородцев над суздальцами в 1170 г., блестяще запечатленная в новгородской живописи, сопротивление «насилиям» Александра Невского. Однако во всех упомянутых случаях речь шла о завоевании и защите республиканского, вечевого строя, тех «свобод», которые стали для Новгорода конституционными.

Во все эти времена Новгород оставался органической частью Русской земли, поддерживая спасительный в условиях постоянной иноземной угрозы союз с другими русскими областями, чему, в частности, служило и сохранение княжеского стола в системе республиканской государственности: приглашение князя было равнозначно заключению военно-политического союза с тем княжеством, откуда приходил в Новгород приглашенный князь. Даже в возникших с середины XIV в. условиях жесткого противостояния Москве измены общерусскому делу нет, о чем убедительнейшим образом свидетельствует участие новгородцев в Куликовской битве. В церкви Бориса и Глеба в Плотниках сохранялся скорбный синодик – поминовение павших в сражениях новгородцев, в котором поминаются и погибшие на Дону при великом князе Дмитрии Ивановиче⁴.

---

² Янин В. Л. У истоков новгородской государственности. Великий Новгород, 2001.

³ Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956.

⁴ Шляпкин И. А. Синодик 1552–1560 гг. новгородской Борисоглебской церкви. // Сборник Новгородского общества любителей древности. Вып. 5. Новгород, 1911. С. 6–7.

Новгородская республика была республикой боярской, классовым орудием крупнейших землевладельцев, которые с момента создания собственных государственных органов с особой жадностью принялись расхищать фонд общинных земель, превращая его в феодальные вотчины, лишая свободы массы новгородского населения и в деревне, и в городе и все более и более ужесточая формы его эксплуатации. Примерно к середине XIV в. процесс обояривания черных земель был практически завершен, и с этого момента главным объектом защиты со стороны боярского государства становится отнюдь не вечевой строй, а та система феодальных богатств, которая сосредоточилась в руках верхушки населения Новгорода.

Летопись показывает, как постепенно растет сопротивление народа боярскому государству, прорываясь в многочисленных восстаниях, накал страстей в которых боярство постоянно стремится использовать в собственных целях. Страх перед народным недовольством диктует боярству необходимость консолидации, которая проявляется в постоянном совершенствовании государственной системы власти. Последнее существенное ее преобразование происходит сразу же после самого мощного народного движения 1418 г., известного как восстание Степанки. Эта государственная реформа по существу ликвидирует вечевой строй, на смену которому приходит олигархия «Совета господ»⁵. Начиная с восстания Степанки летопись и берестяные документы неоднократно демонстрируют свершившееся прозрение, формирование антибоярского самосознания черного люда Новгорода. К XV в. относится цикл литературных произведений, обличающих мздоимство бояр и посадников, несправедливость боярского суда. О каких-либо проявлениях демократии в XV в. говорить не приходится. И когда наступает решительный момент окончательного столкновения Москвы и Новгорода, оказывается, что простому населению Новгородской земли нечего защищать в сложившихся к тому времени порядках. Сражения не происходит. Требования великого князя о распространении на Новгород порядков Русского государства принимаются после недолгого сопротивления бояр, которые слезно молят Ивана III даже не о том, чтобы он сохранил в их руках власть, а о том, чтобы он не лишил их вотчин – «вывода бы не учинил». Поэтому присоединение Новгорода к Москве оказывается не актом подавления демократии, а актом, в котором реализовалось социальное недовольство низов новгородского населения. Не было столкновения деспотизма и демократии. Было столкновение двух однородных сил феодализма, в котором новгородская боярская власть не получила поддержки со стороны населения.

События 1477–1478 гг. сыграли в высшей степени выдающуюся роль в истории нашего Отечества. Именно они превратили Русское государство в Российское национальное государство. Как прежде Древнерусское государство образовалось в результате объединения Новгорода и Киева, так и теперь Россия обрела свое государственное могущество на основе объединения Москвы и Новгорода.

С момента своего возникновения Новгород называется «новым городом». В самом его названии заключена очевидная странность: древнейший русский город называется городом Новым. Это имя город пронес от рождения до наших дней, внушив особое уважение к феномену своей истории.

---

⁵ Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 232–273.

Новгородская земля до возникновения Новгорода

Обширные пространства российского Северо-Запада, изобилующие лесами, озерами, болотами, на протяжении длительного периода (со времен неолита и бронзового века) были заселены племенами угро-финской языковой группы. Начиная с VI–VII вв. сюда началось проникновение славянских племен, которое не привело к столкновению с аборигенным населением. По наблюдениям языковедов, древнейшие восточнославянские заимствования в прибалтийско-финские языки восходят к VII в.

Славянское расселение на Северо-Западе привело к созданию двух обширных регионов – культуры длинных курганов (рис. 1) и культуры сопок (рис. 2). Территория распространения длинных курганов включает в себя бассейн реки Великой и Псковского озера, верховья рек Плюссы и Западной Двины, а также верховья реки Луги, среднее течение Мсты и левые притоки Мологи. Что касается сопок, то они известны главным образом в бассейне озера Ильмень с впадающими в него реками Шелонь, Ловать, Пола и Мста.

Исследователи обратили внимание на существенную разницу в ландшафтных характеристиках этих двух регионов. Область длинных курганов ныне изобилует сосновыми лесами, возникшими на месте смешанных сосново-дубовых лесов. Такое изменение растительного покрова явилось результатом хозяйственной деятельности населения, базирующейся на подсечном земледелии. Что касается поселений и погребений культуры сопок, то они тяготеют к районам распространения еловых и широколиственных лесов, произрастающих на наиболее удобных для пашенного парового земледелия почвах.

Этим характеристикам отвечает и разная система поселений на территориях обеих культур. В зоне длинных курганов поселения не остаются подолгу на одном месте, перемещаясь к вновь подготовленному подсекой хозяйственному участку, тогда как в зоне сопок они отличаются заметной стабильностью.

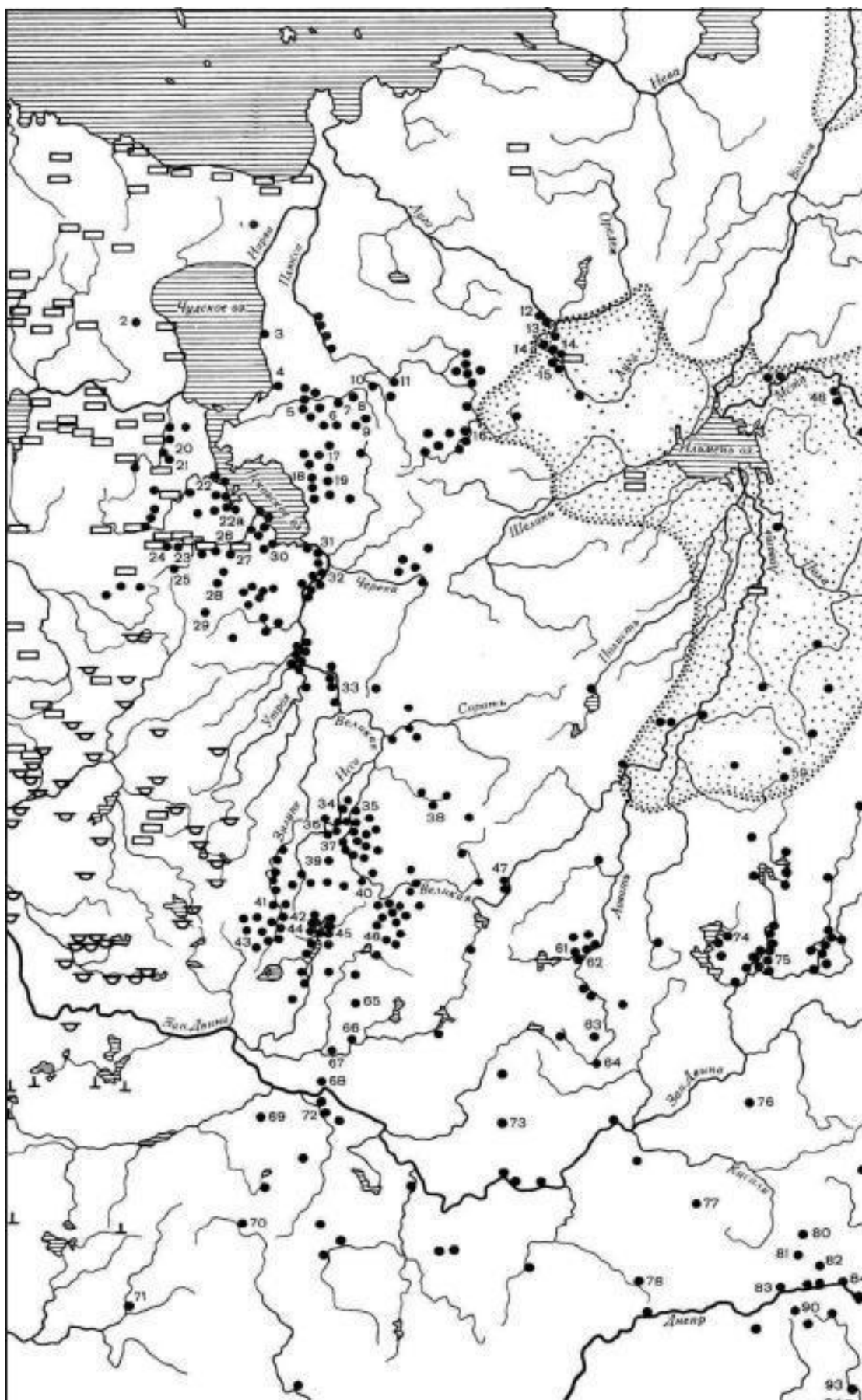
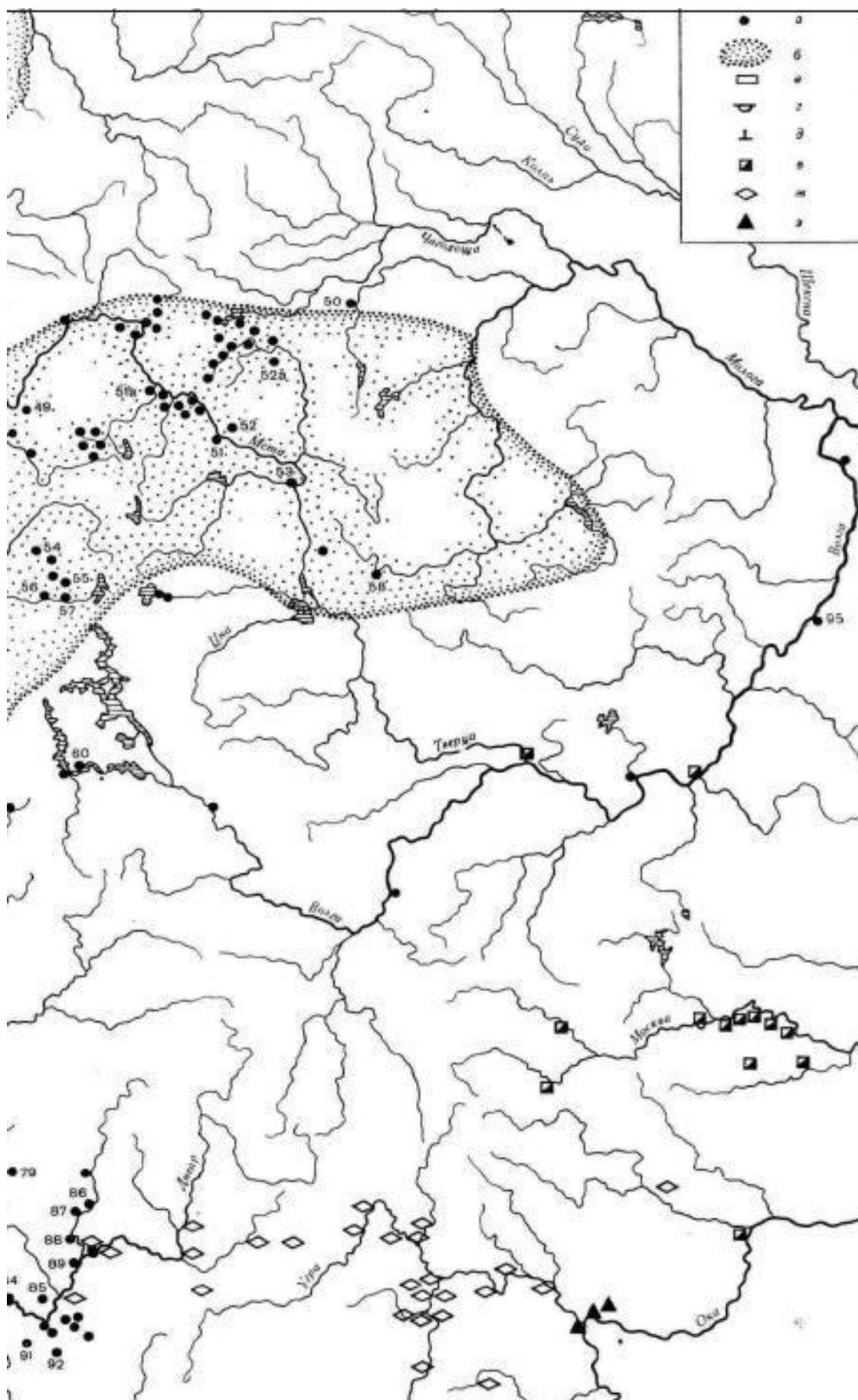
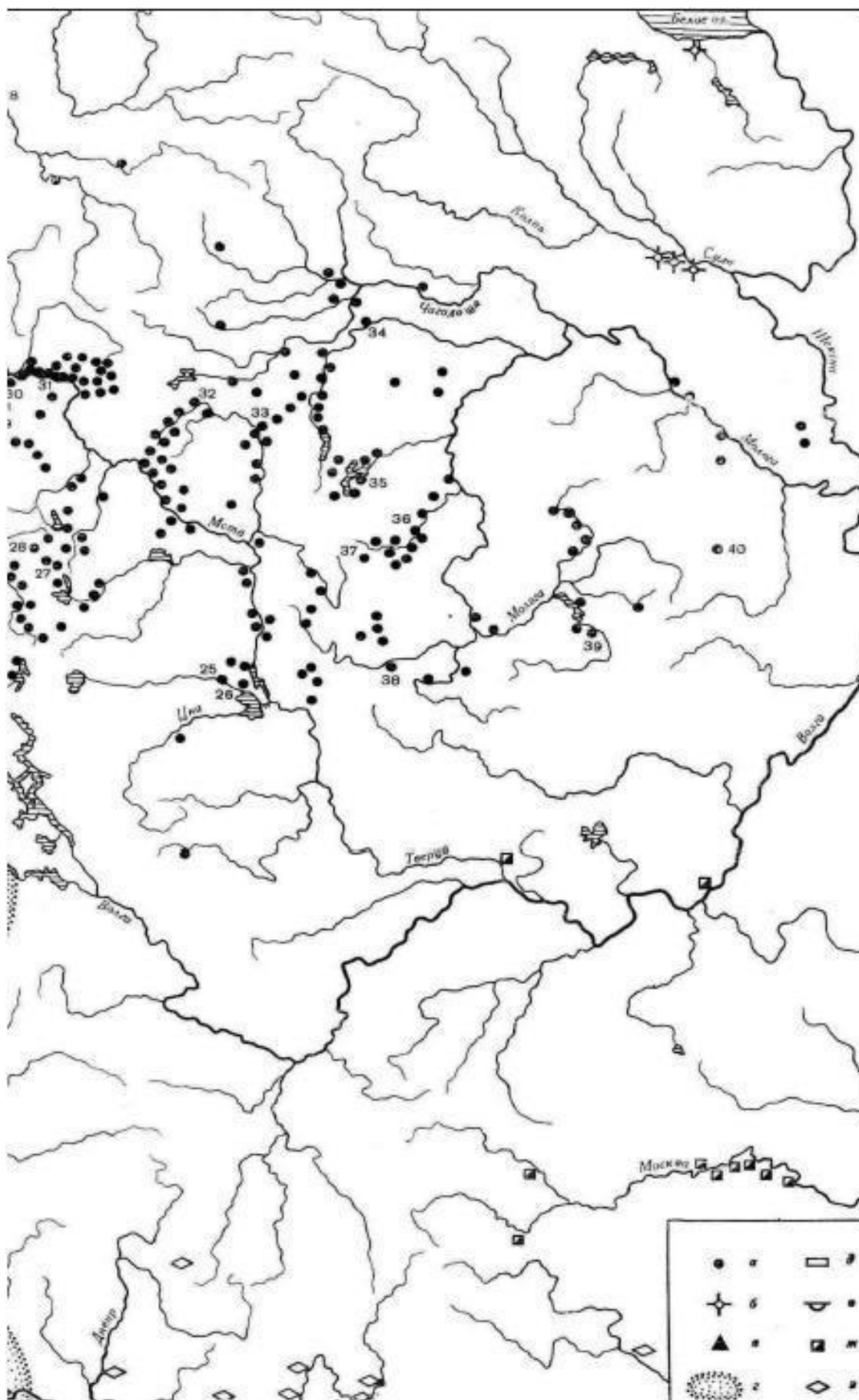

Рис. 1. Карта: Длинны курганы (по В. В. Седову)

Разница в хозяйственных характеристиках обеих славянских культур отражает хронологию их проникновения на территорию российского Северо-Запада. Культура псковско-новгородских длинных курганов прослеживается археологами с VI–VII вв. Согласно исследованиям В. В. Седова, славяне, оставившие эту культуру, продвинулись сюда из областей, входивших в бассейны рек Вислы и Одера. В процессе своего движения через земли балтов они заимствовали от них некоторые элементы культуры. Осев сначала в регионе Псковского озера и реки Великой, славяне затем начали распространение на восток, в обход Ильменя и волховского бассейна, низменное положение которого в VI–VII вв. не соответствовало условиям нормального хозяйствования⁶.

В третьей четверти I тысячелетия иные группы славян – культуры сопкок и пашенного земледелия – проникли на русский Северо-Запад и расселились в бассейнах озер Ильменя и Чудского. Надо полагать, что исходные пункты этого проникновения находились также в регионе западного славянства, о чем свидетельствуют особенности древненовгородского диалекта, выявленные А. А. Зализняком. Главная особенность этого диалекта состоит в отсутствии второй палатализации заднебных, свидетельствующая о том, что обе группы славян Северо-Запада в VI–VIII вв. находились в изоляции от всех остальных славянских этносов, которые процесс второй палатализации пережили. Барьером изоляции, вероятно, служил «балтский пояс», охватывающий с юга освоенные славянами земли Северо-Запада. Сумма особенностей древненовгородского диалекта находит ближайшие аналоги в западославянских диалектах (прежде всего – в лехитском). Это наблюдение находит существенное подтверждение в материалах археологии. От древнего южнорусского (киевского) диалекта новгородский отличается более чем двадцатью признаками⁷.

Наличие двух славянских культур и их территориальная привязка позволяют утверждать, что носители культуры длинных курганов называли себя кривичами, а носители культуры сопкок – словенами. Бесконфликтность их внедрения в земли аборигенов – финно-угров – объясняется разными господствующими системами хозяйствования – земледелия и скотоводства у славян и охоты и рыбной ловли у аборигенов, – которые стали основой взаимной заинтересованности этнических групп, занимавших несовпадающие экологические ниши.

* * *

Важной особенностью северо-западного региона являлось его положение на пересечении главных торговых дорог, одна из которых соединяла Восток и Запад (Азию и Европу) («Волжский путь»), а другая – Юг и Север («Путь из Варяг в Греки»). В пределах этого региона оба пути имели разветвления. «Путь из Варяг в Греки» с верховьев Волги поворачивал на север через Ильмень и Волхов, и на запад – через Западную Двину. Те же маршруты имел на его северном участке и «Волжский путь». Важнейшим узлом обоих путей было озеро Ильмень и верховья Волхова, где торговые дороги сливались воедино. Для современного исследователя элементом, маркирующим оба пути, являются многочисленные монетные клады, древнейшие из которых состоят из серебряных дирхемов, чеканенных в основном в странах Ближнего Востока и Северной Африки. Самый ранний из этих кладов зафиксирован близ Старой Ладogi

⁶ Седов В. В. Проблема происхождения и начальной истории славян // Славянорусские древности, 1: Историко-археологическое изучение Древней Руси. Л., 1988. С. 7–21; Носов Е. Н. Некоторые общие проблемы славянского расселения в лесной зоне Восточной Европы в свете истории хозяйства // Там же. С. 21–38; Он же. Речная сеть Восточной Европы и ее роль в образовании городских центров Северной Руси // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М., 1999. С. 157–170; Он же. Новгородское Городище в свете проблемы становления городских центров Поволжья // Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья. СПб., 2005. С. 7–32.

⁷ Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 2004

и по младшей монете датирован 786 годом⁸. Следует особо отметить, что древнейшие клады арабских монет в Западной Европе, пересекавших территорию русского Северо-Запада, и зарытые там на рубеже VIII–IX вв. и в первой четверти IX в., концентрируются не на Готланде и в материковой Швеции, а на южном – славянском – побережье Балтики. Из 16 западноевропейских кладов куфических монет конца VIII – первой трети IX в. только 3 обнаружены на Готланде и 1 в Упсале на территории материковой Швеции. Два ранних готландских клада (783 и 812 гг.) очень малы. В одном из них содержится 8, в другом 11 монет. Третий датируется 824 г., а клад из Упланда – 825 г. Остальные 12 западноевропейских кладов ничего общего со Скандинавией не имеют: 5 из них найдены в Померании и датируются 802, 803, 816, 816 и 824 гг.; 3 – в Восточной Пруссии и датируются 811, 814 и 818 гг.; 3 – в Западной Пруссии – 808, 813 и 816 гг.; 1 клад 810 г. обнаружен в Мекленбурге.⁹

Ключевое значение скрещения важнейших торговых путей у истока Волхова наглядно демонстрируется высокой концентрацией населенных пунктов конца I тысячелетия на этой территории¹⁰ (рис. 3 – по Носову).

Бытование арабской монеты в регионах новгородских словен и кривичей (а также и остальных земель восточных славян) не ограничивается транзитной ролью этих территорий. Оседание здесь восточного серебра сопровождается созданием собственной денежно-весовой системы на основе дирхема, получившего на славянской почве имя «куна».

Это обстоятельство демонстрирует важное направление хозяйственной деятельности местного населения, которое, таким образом, занималось не только земледелием, скотоводством, охотой и рыболовством, но и было активно вовлечено в международный торговый обмен.

* * *

Главным событием ранней истории славянского Северо-Запада стало временное подчинение его власти скандинавов. К середине IX в. летописи относят княжение в Киеве Кия и его братьев. Позднейший рассказ новгородской летописи, записанный впервые не ранее XI в. (т. е. спустя два столетия после описываемого события), сообщает: «Въ времена же Києва и Щека и Хорива новгородстии людие, рекомии Словене, и Кривици и Меря; Словене свою волость имели, а Кривици свою, а Мере свою; каждо своим родом владыше; а Чюдь своим родом; и дань даяху Варягом от мужа по белеи веверице; а иже бяху у них, то ти насилье деяху Словеном, Кривичем и Мерям и Чюди. И въсташа Словене и Кривици и Меря и Чюдь на Варягы; и изгнаша я за море; и начаша владети сами собе и города ставити»¹¹.

⁸ Марков А. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб., 1910. С. 140. № 24.

⁹ Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956. С. 89.

¹⁰ Носов Е. Н. Археологические памятники верховьев Волхова и ильменского Поозерья конца I тысячелетия н. э. (каталог памятников) // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990 г. М., 1991. С. 5—37.

¹¹ Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950 (далее НПЛ). С. 106.

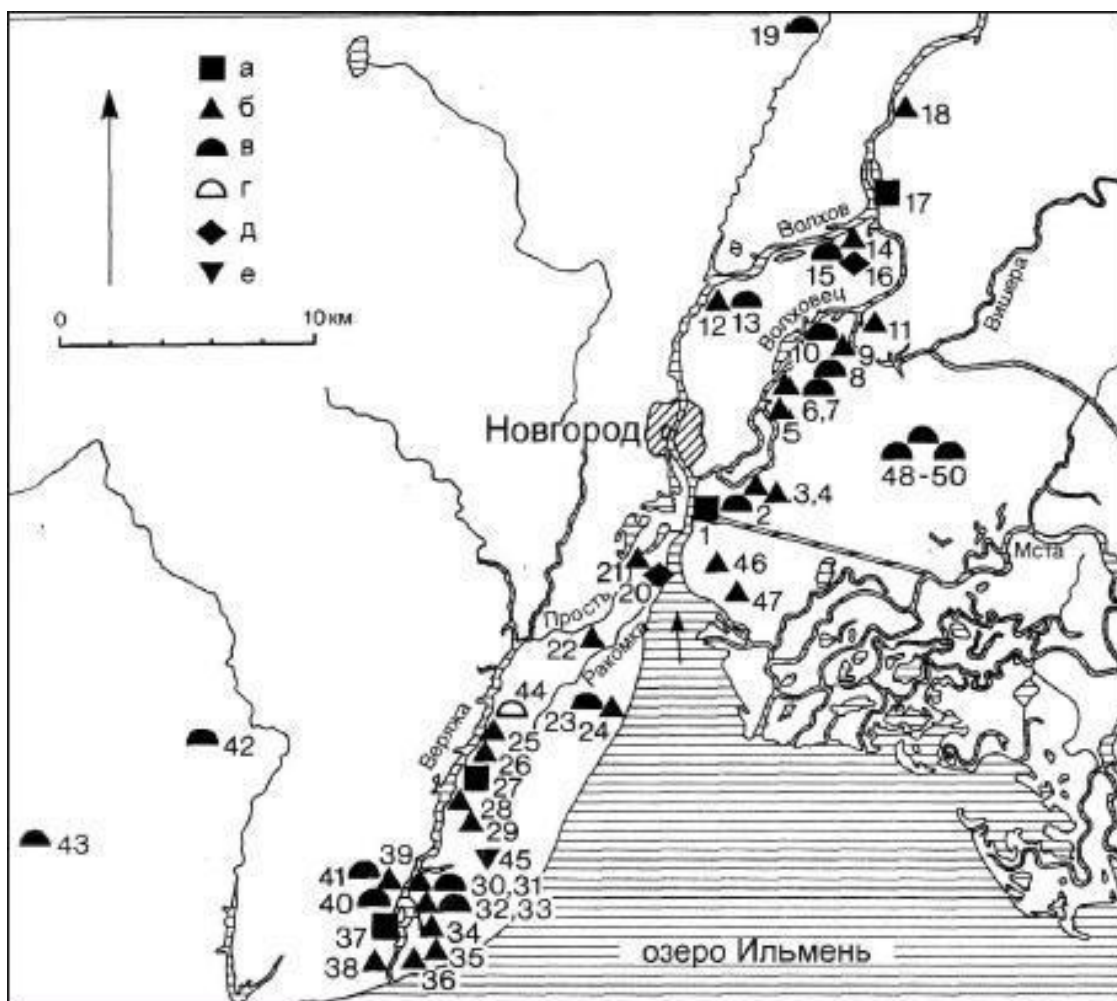

Рис. 3. Карта поселений в Поозерье (по Е. Н. Носову) а – городища; б – селища; в – сопки; г – предполагаемые места расположения сопкок; д – языческое святилище; е – культовый камень. 1 – Рюриково городище; 2 – Нередица; 3, 4 – Ситка; 5 – Slutka I; 6, 7 – Волотово; 8 – Ушерска; 9, 10 – Родионово; 11 – Мыза Сперанского; 12, 13 – Деревяницы; 14–16 – Хутынь; 17 – Холопий городок; 18 – Slutka II; 19 – Водское; 20 – Перынь; Прость; 22 – Ракомо; 23, 24 – Береговые Морины; 25–27 – Георгий; 28, 29 – Васильевское; 30, 31 – Любоежа; 32, 33 – Гоюшково; 34 – Заболотье; 35, 36 – Еруново; 37, 38 – Сергово; 39–41 – Завал; 42 – Окатово; 43 – Базловка; 44 – Моисеевичи; 45 – Гвоздец; 46, 47 – Шиловка; 48–50 – Мшашка

Следует остановиться на некоторых «подтекстах» этого рассказа. Еще в середине IX в. словене, кривичи и аборигенные финно-угорские племена не были объединены («каждо своим родом владаше»). Их объединение было достигнуто в процессе восстания против притеснителей-варягов, обложивших все местное население подушной данью. Победа над варягами вернула власть местному населению, которое стало «города ставить». Вряд ли под последним действием нужно понимать сооружение неких значительных племенных центров. Речь здесь идет о создании укреплений в наиболее уязвимых возможных врагами пунктах – предприятие более чем естественное после пережитых от варягов притеснений.

Далее в том же летописном рассказе сообщается: «И вьсташа сами на ся воеват, и бысть межи ими рать велика и усобица, и вьсташа град на град, и не беше в них правды. И реша к себе: «князя поищем, иже бы владел нами и рядил ны по праву». Идоша за море к Варягом и ркоша: «земля наша велика и обилна, а наряда у нас нету; да поидете к нам княжить и владеть нами». Изъбрашася 3 брата с роды своими. И пояша со собою дружину многу и предивну, и приидоша к Новугороду. И седе старейишии в Новегороде, бе имя ему Рюрик; а другии седе

на Белеозере, Синеус; а третей в Изборске, имя ему Трувор. И от тех Варяг, находник тех, прозвашася Русь, и от тех словес Руская земля; и суть новгородстии людие до днешнего дни от рода варяжска. По двою же лету умре Синеус и брат его Трувор, и прия власть един Рюрик, обою брату власть, и нача владети един»¹². Летописи относят призвание Рюрика с братьями к 859 или 862 году.

На протяжении длительного времени рассказ о призвании варяжского князя признавался в российской историографии антипатриотическим мифом. Между тем истинность самого факта вокняжения на Северо-Западе варяжского князя подтвердилась раскопками Е. Н. Носова на Городище (в 3 км к югу от Новгорода), где вплоть до конца XV в. находилась резиденция новгородских князей. Ее формирование началось именно в середине IX в., и сумма находок, относящихся к этому времени, наглядно демонстрирует как элитарность комплекса, так и наличие в нем преобладающего норманнского элемента. Присутствие здесь воинов-варягов демонстрируют находки боевого оружия и культовых скандинавских предметов¹³.

Сомнительным представляется существование «братьев Рюрика». Давно уже обращено внимание на то, что «имена» братьев могут быть переведены как «верная дружина» (Трувор) и «свой род» (Синеус). Тем более, что, например, отдаленность Белоозера от Новгорода весьма значительна, а подчинение Новгороду более близкой в направлении Белоозера территории происходило только в середине X в., когда княгиня Ольга устанавливала погосты на Мсте. В Изборске принято демонстрировать каменный крест, стоящий якобы на могиле Трувора, в полном забвении того, что Трувор, если жил, то за полтора столетия до утверждения в Восточной Европе христианства.

Наиболее существенно то, что ни в Изборске, ни в Белоозере археологические раскопки каких-либо следов пребывания скандинавов в IX в. не обнаружили.

По версии Ипатьевской летописи, отразившей представления ладожан начала XII в., изначально варяги «придоша к Словеном первее, и срубиша город Ладогу, и седе старейишии в Ладозе Рюрик..., по дъвою же лету умре Синеус и брат его Трувор, и прия Рюрик власть всю один, и пришед к Ильмерю и сруби город над Волховом и прозваша и Новъгород, и седе ту князя»¹⁴. Эта версия послужила основой нынешней легенде о Старой Ладогe как «первой русской столице».

Здесь снова сочетаются реальность и миф. Вполне вероятно продолжительная остановка Рюрика в Ладогe, поскольку быстрому продвижению к Ильменю как узлу торговых путей препятствовали волховские пороги, к преодолению которых следовало обстоятельно подготовиться, в частности, решить вопрос о замене морских кораблей на плоскодонные, оценить уровень весеннего подъема воды над порогами, или предпочесть сухопутную дорогу в обход порогов. Такая вынужденная остановка отнюдь не превращает ее место в столицу.

Мифическим представляется утверждение об основании Рюриком «города над Волховом» и наречении его Новгородом. Коль скоро на территории собственно Новгорода нет никаких напластований IX в., очевидно, что речь идет о сооружении укреплений в резиденции на Городище, которая также является «городом над Волховом». Столь же легендарным представляется утверждение Новгородской 4 летописи об основании Новгорода старейшиной Гостомыслом еще до призвания Рюрика¹⁵.

Существенной проблемой оказывается выяснение того региона Скандинавии, в который было направлено за князем посольство кривичей, словен и аборигенных племен. Было бы по меньшей мере странным, если бы «третейского судью» это посольство искало среди тех

¹² НПЛ. С. 106–107.

¹³ Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990.

¹⁴ Полное собрание русских летописей (далее ПСРЛ). Т. 2. СПб., 1908. Стб. 14.

¹⁵ Там же. Т. 4, ч. 1. СПб., 1915. С. 3.

варягов, которые незадолго до того были притеснителями местного населения, изгнавшего их. Между тем скандинавский мир был достаточно обширен и разнообразен. Он включал в себя не только Швецию и Норвегию, но и Данию, и Британию, и Фрисландию. Летописный рассказ о выборе места призвания князя так недвусмысленно трактует это событие: «Идоша за море къ Варягомъ к Руси. Сице бо ся звахуть и варязи суть, яко се друзии зъвуться Свие, друзии же Оурмане, Анъгляне, друзии Гъте, тако и си реша Русь»¹⁶. Те варяги, которые были призваны в бассейн Ильменя и Волхова, не были ни шведами (Свеями), ни германцами (Урманами), ни британцами (Англянами), ни готландцами (Готами); они называли себя Русью. Позднейшая легенда сообщает о том, что Гостомysl отправил это посольство в Мальборк, город в Восточной Пруссии на южном берегу Балтики¹⁷, что ведет к отождествлению новгородского Рюрика с Рюриком Ютландским. Приглашение князя из Ютландии или Фрисландии представляется весьма логичным, коль скоро оба массива славянского переселения на русский Северо-Запад ведут свое происхождение из регионов, примыкающих к южному балтийскому побережью.

Вполне легендарной представляется версия Ипатьевской летописи об объеме владений Рюрика, который якобы в числе «волостей», розданных «мужам своим», числил Полоцк, Ростов, Белоозеро, Муром¹⁸. Надо полагать, что эта якобы подвластная Рюрику территория сконструирована из общего объема расселения не только кривичей и новгородских словен, но и всех известных позднейшему летописцу «кривичских» и «чудских» (угрофинских) племен – в том числе и тех, которые не входили в союз, пригласивший Рюрика.

В 879 г. Рюрик умер, передав княжение Олегу – своему родственнику («от рода ему суща»), отдав ему на руки своего сына Игоря, «бьяше бо молод велми».

Через три года Олег с малолетним Игорем покинул Новгород и отправился на завоевание Смоленска и Киева. Следует еще раз напомнить, что к этому моменту на территории собственно будущего Новгорода какой-либо застройки еще не существовало. В процессе исследования культурного слоя на этой территории были выявлены участки наибольшей древности, но ни на одном из них напластований ранее X в. нет.

---

¹⁶ ПСРЛ. Т. 1. Л., 1926. Стб. 19.

¹⁷ Там же. Т. 40. СПб., 2003. С. 26.

¹⁸ Там же. Т. 2. СПб., 1908. Стб. 14.

Становление Новгорода

Уход Олега и Игоря на юг создает на Северо-Западе Руси политический вакуум. Князя, нарушившего договор, нет. Вместо него на Городище остается его безымянная дружина, вероятно – с княжеским наместником во главе. Но в это время нет еще и Новгорода. Как уже отмечено выше, раскопки в разных его районах не обнаружили культурных напластований IX в. Однако активное заселение места будущего Новгорода в 3 км от княжеской резиденции начинается именно на рубеже IX—X вв. Этот процесс совпадает с процессом запустения многих населенных пунктов в его округе. Надо полагать, что оба указанных процесса взаимосвязаны и вызваны тем самым политическим вакуумом, побудившим родоплеменную аристократию словен, кривичей и чуди к заселению территории на месте будущего Новгорода.

Раскопками выявлена картина состояния этой территории в первой половине X в. Это еще не город, а три поселка родовой аристократии, разделенные пустопорожними пространствами (рис. 4). Вокруг центральных усадеб поселков расположены пашни и сады, пересеченные грунтовыми дорогами. Сами названия поселков, ставших в дальнейшем основой административно-территориального деления Новгорода (его концов), говорят об их принадлежности главным компонентам союза племен Северо-Запада: Славенский (т. е. славянский; его называли также Славно или Холм – отсюда, вероятно, скандинавское имя Новгорода «Холмгард»), Неревский (от названия финно-угорского племени «норума», иначе «нерева»; ср. р. Нарва), Людин (от славянского «люди»; вероятнее всего, это поселок кривичей. В более позднее время Новгород делился на пять концов, но два из них – Плотницкий и Загородский – конституируются не ранее XII–XIII вв.

Преобразование этой рыхлой догородской структуры в город произошло в середине X в. В 947 г. киевская княгиня Ольга, упорядочивая административную систему государства, пришла на север и организовала походы, в результате которых были подавлены и присоединены конкурентные приильменскому региону обильно заселенные районы по течению рек Мсты и Луги: «Иде Вольга Новугороду, и устави по Мьсте повосты и дани и по Лузе оброки и дани; и ловища ея суть по всей земли, знамянья и места и повосты»¹⁹

Податная система Новгорода и объем государственных доходов значительно увеличились, в результате чего в нем началось мощение улиц, возникли системы благоустройства, уличная усадебная застройка и т. д. Раскопки на территории древнейших ядер застройки показали, что самая ранняя мостовая Великой улицы Неревского конца датирована 953 годом; самая ранняя мостовая Михайловой улицы Славенского конца сооружена в 974 г. В Людином конце система мощеных улиц формируется начиная с середины X в. Однако главная улица этого конца – Пробойная – получила свой древнейший настил примерно в 30-х гг. X в., и это вполне закономерно: она была главной дорогой («Русским путем»), ведущей на юг. Со второй половины X в. закономерно употребление термина «Новгород», поскольку именно тогда возникает общественный центр этого преобразования – Детинец (кремль), который поначалу и назывался «Новым городом» по отношению к трем старым поселкам-городкам и, возможно, по отношению к Городищу. Надо полагать, что тогда же формируется общегородской Торг на правом берегу Волхова, напротив Детинца. Возможно, тогда же строится Великий мост, соединивший обе стороны города.

Преображенный город обрел притягательную силу для общерусского княжеского дома. В 970-980-х гг. за право княжить в нем борются сыновья киевского князя Святослава Игоревича – Владимир и Ярополк, посылающие в него своих наместников. В конечном счете победа остается за Владимиром, при котором (когда он был уже киевским князем) вслед за Киевом Нов-

¹⁹ ПСРЛ. Т. 1. Л., 1926. Стб. 60.

город около 990 г. принимает христианство, а вместе с ним получает от Владимира в князя его сына Ярослава, прозванного впоследствии «Мудрым». Летописные рассказы о христианизации Новгорода, записанные спустя сто лет и еще много позже, разноречивы и содержат немало легендарных подробностей. И тем не менее самая поздняя версия, извлеченная В. Н. Татищевым из несохранившейся Иоакимовской летописи, находит существенные археологические подтверждения. Согласно этому рассказу, крещение новгородцев присланными из Киева Добрыней (дядей Владимира Святославича) и Путятой и свержение идола Перуна вызвало активное противодействие части населения, принявшее ожесточенные формы на Софийской стороне, где разгрому и сожжению были подвергнуты прибрежные кварталы Неревского и Людина концов. Приведенная в рассказе поговорка «Добрыня крестил мечем, а Путята огнем» подтвердилась раскопками этих кварталов, выявившими следы мощного пожарища. В Неревском конце под слоем пожарища обнаружены два больших клада серебряных дирхемов, владельцы которых уже не имели возможности вернуться за своими сбережениями. Тот же рассказ сообщает о наличии в Неревском конце общины ранних христиан с церковью

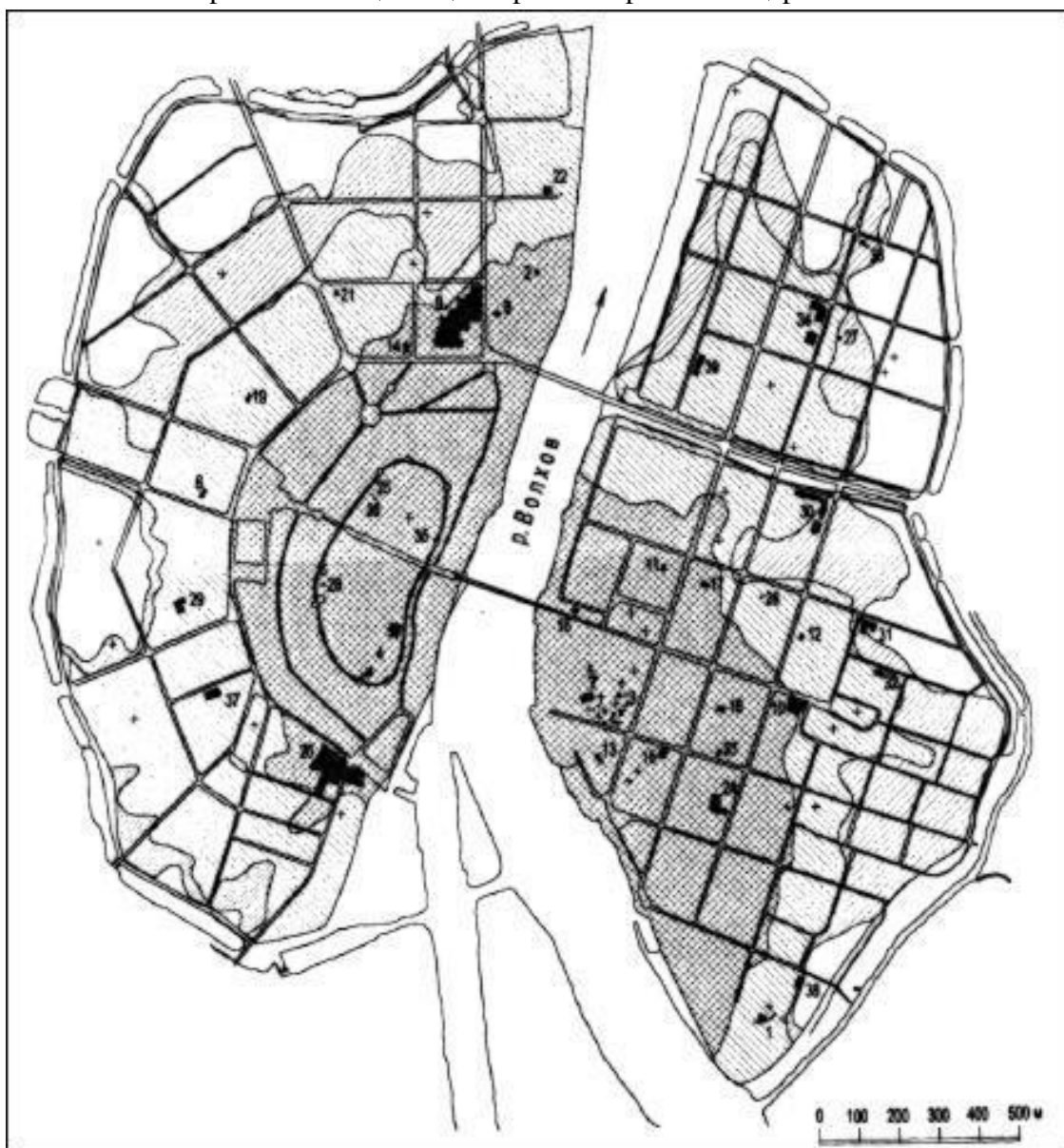

Рис. 4. Карта мощности культурного слоя Новгорода

Преображения. Именно эта община была объектом нападения противников крещения, которые сожгли и Преображенскую церковь. Следует отметить, что и в последующее время

возобновленная церковь Преображения находилась в районе этого пожарища, а в слоях, предшествующих разорению, при раскопках обнаружено несколько нательных крестов, подтверждающих существование в Новгороде общины ранних христиан до официального крещения города²⁰.

В конце X в. в Новгороде построены первые после крещения церкви – деревянный собор св. Софии и храм святых Иоакима и Анны, посвящение которого связано с именем первого новгородского епископа – Иоакима.

* * *

Одной из наиболее значительных проблем в изучении новгородской государственности является вопрос о времени возникновения тех ограничений княжеской власти, которые фиксированы в позднейших условиях приглашения князя в Новгород. Они известны по самым ранним из дошедших до нас договоров Новгорода и князя, датирующихся началом 60-х гг. XIII в. (более ранние соглашения не сохранились) и ссылающихся на предшествующие dokonчания.²¹

Наиболее существенное ограничение состоит в запрещении приглашаемому князю и его людям собирать государственные доходы на новгородских землях. Это право принадлежит только самим новгородцам, которые из собранных сумм выплачивают князю так называемый «дар», т. е. вознаграждение за исполнение его обязанностей.

В ходе раскопок Новгорода в слоях конца X – первой четверти XII вв. неоднократно обнаруживались деревянные «замки» для гарантированного сохранения содержимого мешков с собранными в виде пушнины государственными доходами. Эти устройства представляют собой обрезок березового или ольхового ствола с двумя взаимно пересекающимися каналами и на поверхности содержат надписи, указывающие принадлежность содержащегося в мешке князю или самим сборщикам налогов, которым согласно древнейшему законодательному кодексу «Русской правде» полагался определенный процент собранного. Через горловину мешка продевалась веревка или ремешок, концы которого с двух сторон вводились в продольный канал и завязывались узлом. Потом узел убирался внутрь, в поперечный канал вводилась расклиненная деревянная пробка, а в ее узкий конец забивался клин, в результате чего она становилась неизвлекаемой. Украсть что либо из запертого таким образом мешка или произвести замену мехов на менее ценные можно было – либо разрезав мешок, либо разломав замок, либо разрезав веревку. В любом случае кража была бы сразу обнаружена²².

В качестве примера познакомимся с некоторыми надписями на таких «замках». Один из них, обнаруженный в слое конца X в., содержит следующий текст: «Мецъницъ мѣхъ въ Тихъм[ен]гѣ пол[чет]ѣвъръ[та]» (Мешок мечника в Тихменге, три с половиной) (рис. 5, 3). Мечник, по «Русской правде», – сборщик государственных доходов в определенном регионе. Тихменга – река, впадающая в озеро Лаче на границе новгородских и белозерских владений, и примыкающий к ней район. «Три с половиной» (вероятно, гривны) – сумма содержимого мешка, причитающаяся мечнику²³. На «замке», найденном в слое конца XI в., имеется надпись: «Оустье Вагы мецъницъ мѣхъ 3 гри[вны]». Река Вага – левый приток Северной Двины; в ее устье расположен пункт Усть Вага²⁴ (рис. 5, 2).

²⁰ Янин В. Л. Летописные рассказы о крещении новгородцев (о возможном источнике Иоакимовской летописи) // Русский город: Исследования и материалы. Вып. 7. М., 1984. С. 40–56.

²¹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949 (далее ГВНП). С. 9–13. № 1–3.

²² Янин В. Л. У истоков новгородской государственности. Великий Новгород, 2001. С. 31–57.

²³ Там же. С. 95. № 6.

²⁴ Там же. С. 99–100. № 19.

Всего найдено больше 50 таких «замков» и всякий раз – на городских усадьбах самих новгородцев. В ряде случаев подобные находки сопровождались берестяными грамотами, адресованными тем же лицам, чьи имена были написаны на этих «замках», и сообщающими о деталях собирания доходов. Например, на двух «замках» фигурирует имя Хотен, (рис. 5, 1) в одном случае он назван мечником²⁵. На той же усадьбе Людина конца, где найдены эти предметы, обнаружена берестяная грамота № 902 (рис. 6) с таким текстом: «От Домагости къ Хотеноу. В Езьске роздروбили полъ пятадесяте гривнь. Да язъ ти тоу сежоу, а Вьльчиноу си посьли моужь инъ» (От Домагости к Хотену. В Езьске разверстали сорок пять гривен. Да я-то тут сижу, а в Волчину пошли другого человека)²⁶. Домагость – помощник Хотена (его «отрок» – судебный исполнитель). Он послан Хотеном для сбора пошлин в два податных округа – в Езьск и на Волчину. Езьск (современное село Еськи) расположен на реке Мологе в 25 км ниже современного города Бежецка и хорошо известен в источниках как пункт сбора пошлин. Волчина – река, берущая начало неподалеку от Вышнего Волочка, текущая с запада на восток и впадающая в Мологу близ Езьска. Разверстав следующие с Езьска 45 гривен по налогоплательщикам, Домагость в ожидании сбора этих сумм застрял в Езьске надолго, о чем и извещает Хотена, рекомендуя ему послать на Волчину другого сборщика.

Рис. 5. Деревянные замки-пломбы с надписями: 1 – Хотен, 2 – Усть-Вага, 3 – Тихменга

Хотя древнейший известный сегодня такой «замок» датируется концом X в., однако подобные находки в слоях X в. польского Волина и ирландского Дублина²⁷ позволяют заключить, что сам обычай применения таких устройств имеет норманнское происхождение, а ограничение княжеской власти в столь важной области как сбор государственных доходов и фор-

²⁵ Там же. С. 98. № 15; С. 100–101. № 21. Хотен назван так же в граффито Софийского собора рубежа XI–XII вв. (Медынцева А. А. Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора. М., 1978. С. 101. № 148).

²⁶ Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.). М., 2004. С. 94–95. № 902.

²⁷ Янин В. Л. У истоков новгородской государственности. С. 44, 62–64.

мирование государственного бюджета восходит, скорее всего, к прецедентному договору с Рюриком, заключенному в момент его приглашения союзом северо-западных племен.

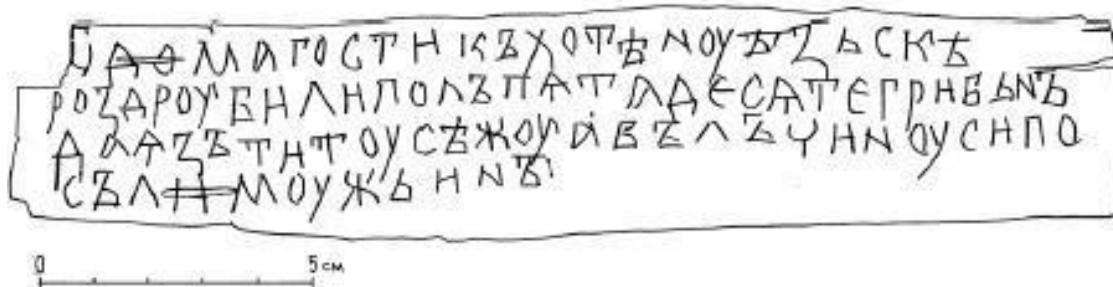

Рис. 6. Берестяная грамота № 902

Если это так, становятся понятными причины ухода из Новгорода в 882 г., всего через три года после смерти Рюрика, его преемника Олега с сыном Рюрика – Игорем: «Поиде Олег поем вои свои многы Варягы, Чюдь, Словены, Мерю, Весь, Кривичи, и приа город и посади в нем мужь свои»²⁸. Нарушив договор о пожизненном княжении, Олег отправляется на юг для завоевания Смоленска, а затем Киева. Его власть в Киеве основывается не на договоре, а на праве завоевателя. Там он не ограничен в своей деятельности, лично во главе дружины собирая доходы с подвластных ему земель (так называемое «полюдье», подробно описанное Константином Багрянородным).

Только завоевание Киева впервые в российской истории создало столичный центр в современном понимании (не местонахождение княжеского престола – «стола», а главный город государства, сосредоточившего в себе множество «столов»). Общеизвестны слова Олега, сказанные им о Киеве: «Се буди мати городом Русским» (Это будет мать русским городам). «Мать городам» – калька греческого ΜΗΤΗΡ ΠΟΛΙΣ (метрополия, главный город).

Вокняжившись в Киеве, Олег установил дань, которую должны платить словене, кривичи и меря варягам «от Новагорода 300 гривен (по другой летописной версии 3000 гривен) на лето мира деля, еже до смерти Ярослава даяше Варягом»²⁹.

²⁸ ПСРЛ. Т. 1. М., 1997. Стб. 22–23.

²⁹ Там же. Стб. 24.

Новгород во времена Ярослава Мудрого и его ближайших преемников

Если до 1014 г. Новгород в орбите Киевского государства был одним из подобных ему городских центров, то в указанном году Ярослав решил придать ему статус большей самостоятельности: «Ярославу же живушу в Новгороде и уроком дающе дань Киеву 2000 гривен от года до года, а тысящу Новгороде гридем раздаваху; и тако даяху вьси князи новгородстии, а Ярослав сего не даяше к Киеву отцу своему»³⁰. Известно, что в Новгороде князь не мог собирать государственные доходы своими людьми, а получал от новгородцев «дар». Отказ от посылки части этого «дара» в Киев материально укреплял новгородского князя. Возможно, что именно эти новые экономические возможности легли в основу решения Ярослава о переносе резиденции из Городища в Новгород, где место организованной им новой резиденции на правом берегу Волхова, напротив Детинца, в дальнейшем получило название «Ярославова дворища». В ответ на отказ Ярослава платить дань Киеву Владимир Святославич приказал дружине готовиться к походу на своего сына, но заболел и умер 15 июля.³¹

Перенос резиденции в Новгород привел к опасному соприкосновению новгородцев с варяжской дружиной, находящейся в ближайшем соседстве с резиденцией, где в городской средневековой топонимике фиксируется Варяжская («Варецкая») улица. «В Новгороде же тогда Ярослав кормяще Варяг много, бояся рати; и начаша Варязи насилие деяти на мужатых женах. Ркоша новгородци: «сего мы насилья не можем смотрити»; и собрашася в ночь, исекша Варягы в Поромоне дворе». Узнав об этом, Ярослав собрал тысячу воинов Славенского конца и, «обольстив их, исече, иже бяху Варягы ти исекли. А друзии бежаша из града». Однако в ту же ночь сестра Ярослава Предслава прислала ему из Киева весть о смерти отца и об убийстве Святополком братьев – Бориса и Глеба. Повинившись перед новгородцами «юже вы исекх вчера в безумии моем», Ярослав объявил о своем желании, расправившись со Святополком, княжить в Киеве и попросил у новгородцев помощи. Ему удалось собрать войско из 1000 варягов и 3000 новгородцев, с которыми он и отправился в поход на Святополка в 1016 г., оставив в Новгороде наместником («посадником») Коснятина (сына крестившего новгородцев Добрыни)³²

Войско Ярослава три месяца до заморозков стояло на берегу Днепра напротив Киева. Любопытна характеристика новгородцев, которых укорял воевода Святополка: «Что придосте с хромьцем сим, а вы плотници суще? А приставим вы хоромове рубити наших»³³. Решительным ударом Ярослав захватил Киев, вынудив Святополка бежать «в ляхы». Однако в 1018 г. Святополк в союзе с польским князем Болеславом вновь захватил Киев и вынудил Ярослава уйти в Новгород. Отчаяние Ярослава перешло в намерение бежать «за море». Но посадник Коснятин с новгородцами воспрепятствовали этой затее, изрубив ладьи Ярослава. Население Новгорода было обложено «чрезвычайным налогом»: по 4 куны «от мужа», по 10 гривен от старост и по 18 гривен от бояр. На эти деньги была нанята дружина варягов. Вместе с новгородскими воинами они обеспечили наконец Ярославу полную победу и доставили ему киевский стол в 1019 г.

Ко времени новгородского княжения Ярослава относится важное новшество в денежном хозяйстве. В связи с сокращением ввоза арабского монетного серебра, вызванного истощением

---

³⁰ НПЛ. М.; Л., 1950. С. 168.

³¹ Там же. С. 168–169.

³² НПЛ С. 174–175.

³³ Там же. С. 175.

восточных рудников, русские князья осуществляют попытку чеканить собственную монету на базе скопившегося на Руси драгоценного металла. В Киеве золотые и серебряные монеты чеканит Владимир Святославич, а после его смерти (только серебряные) Святополк. В Новгороде осуществлен выпуск серебряных монет с изображением св. Георгия (небесного патрона князя Ярослава Владимировича) на лицевой стороне, а на оборотной с изображением княжеского знака Ярослава и надписью «Ярославле сребро» (рис. 7).

Рис. 7. «Ярославле сребро»

Истощение запасов серебра воспрепятствовало продолжению этой древнерусской монетной чеканки³⁴.

Другой исключительно важной для русской культуры инициативой Ярослава, обеспечившей ему прозвище «Мудрый», стала организация в Новгороде первой школы. В 1030 г., как сообщает летопись, Ярослав, придя в Новгород, собрал 300 детей от старост и попов, чтобы учить их грамоте³⁵.

Окончательное вокняжение Ярослава в Киеве сопровождалось актом его благодарности новгородцам, обеспечившим ему победу: «Ярослав иде к Киеву, седе на столе отца своего Володимира; и абие нача вои свои делите, старостам по 10 гривен, а смердом по гривне, а новгородцом по 10 гривен всем, и отпусти их всех домов, и дав им правду и устав списав, тако рекши им: «по сеи грамоте ходите, якоже списах вам, такоже держите»»³⁶.

В Новгороде при раскопках была найдена свинцовая привесная печать Ярослава Мудрого с уникальным его изображением, надписью «Ярослав князь Русский» на одной стороне и изображением небесного патрона Ярослава – св. Георгия на другой (рис. 8). Коль скоро титулатура этой печати соответствует киевскому княжению, можно полагать, что в Новгороде она оказалась будучи привешена к одной из благодарственных грамот Ярослава³⁷.

³⁴ Сотникова М. П., Спасский И. Г. Тысячелетие древнейших монет России. Сводный каталог русских монет X–XI веков. Л., 1983. С. 196–203.

³⁵ ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. Вып. 1. Петроград, 1915. С. 113.

³⁶ НПЛ. С. 175–176.

³⁷ Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати Древней Руси. Т. 3. М., 1998. С. 115. № 2а, табл. 1, 49.

Рис. 8. Печать Ярослава Мудрого

Вопрос о существовании главных пожалований Ярослава новгородцам не прост. Что касается «правды», очевидно, что речь идет о «Русской правде», древнейшем писаном русском законе, текст которого воспроизведен в новгородской летописи вслед за сообщением о княжеских пожалованиях. Будучи памятником общерусского законодательства, этот текст, однако, содержит статью, прямо касающуюся Новгорода. Вопреки установившемуся после принятия христианства запрету кровной мести, первая статья кодекса декларирует право кровной мести для русинов, словен и ряда должностных лиц. По-видимому, ее следует понимать как декларацию изъятия боярских дел из княжеской юрисдикции и передачу их в ведение самого боярства. В отличие от «правды» текст «устава» в летописях отсутствует, однако очевидно, что он содержал в себе, по крайней мере, подтверждение тех ограничений княжеской власти, которые были провозглашены в прецедентном договоре с Рюриком, писанный текст которого не сохранился. Не потому ли позднейшие dokonчания Новгорода с князьями содержат отсылку к «Ярославовым грамотам»?

Льготы, предоставленные новгородскому боярству Ярославом Мудрым, несомненно, положили начало разделению Новгорода на две административные структуры. Боярские гнезда, неподсудные князю, остались основой системы концов. Разделявшие эти «концы» пространства заселялись независимым от бояр населением, в том числе свободными ремесленниками и купцами. Эти районы оставались в юрисдикции князя. Они были разделены на сотни и управлялись тысяцким и соцкими, которые вплоть до конца XII в. составляли аппарат княжеского управления.

Под 1019 г. некоторые поздние летописи помещают известие о том, что наместник Коснятин был заточен Ярославом

Владимировичем в Ростове, а на третье лето убит в Муроме по приказанию Ярослава. Между тем в Новгородской Первой летописи имеется текст, содержащий интересные хронологические подробности и указание причин опалы Коснятина: Ярослав, «идя к Киеву, и посади в Новгороде Коснятина Добрыница. И родися у Ярослава сын Илья, и посади в Новгороде, и умре. И потом разгневался Ярослав на Коснятина, и заточи и; а сына своего Владимира посади в Новгороде»³⁸. Владимир, родившийся в 1020 г., стал новгородским князем, по разным летописным версиям, в 1034 или 1036 г. Однако существует также противоречивое сообщение о том, что в Новгороде Владимир стал княжить в 1030 г., когда ему было 14 лет (!) Это противоречие может быть объяснено тем, что летописец в указанном случае знал о вокняжении в Новгороде в 1030 г. какого-то сына Ярослава, но не будучи осведомлен о существовании Ильи, которого знает только цитированный текст, ошибочно связал с этой датой вокняжение Влади-

³⁸ НПЛ. С. 470.

мира, действительно занявшего новгородский стол, когда ему было 14 лет. Если это так, то опала Коснятина в действительности относится отнюдь не к 1019, а к 1030 г.³⁹ До этого года Ярослав постоянно приезжает в Новгород, ощущая себя не только киевским, но и новгородским князем.

Из происходящих в этот период событий отметим, что в 1021 г. Новгород был захвачен полоцким князем Брячиславом Изяславичем, но подоспевший Ярослав прогнал своего племянника в его вотчину.

* * *

Непродолжительное княжение молодого энергичного Владимира Ярославича наполнено важными и яркими событиями. В 1042 г. двадцатидвухлетний князь возглавляет поход на ямь, увенчавшийся успехом несмотря на мор, поразивший коней его войска. На следующий год Ярослав посылает своего сына в поход на греков, дав ему большое войско, «а воеводство поручи Вышате, отцу Яневу». При подходе к Константинополю буря разметала корабли его эскадры, а самого Владимира взял в свой корабль воевода Ярослава Иван Творимирич. Шесть тысяч воинов Владимира, пожелавших вернуться в Русь и не поддержанных дружиной Ярослава, оказались в греческом плену, где многие из них были ослеплены. Владимир же сумел разбить греческие ладьи, пришедшие его пленить, и вернулся в Новгород.

Весной 1044 г. Владимир сооружает кирпичные стены новгородского Детинца, который тогда был много меньше нынешнего, занимая лишь его северную часть. Остатки части кремлевских стен этой постройки были исследованы археологическими раскопками. Вероятно, сооружение кремлевских укреплений связано единым замыслом с закладкой в следующем – 1045 – году каменного Софийского собора, поскольку строить Софийский собор начали отнюдь не по случаю утраты предшествующего ему деревянного храма св. Софии, который, как сообщает летопись, имел 13 верхов. Деревянный храм погиб от пожара 4 марта 1049 г., когда строительство каменного собора еще не было завершено. Лишь в 1050 г. «свершена бысть святая Софеа в Новегороде, повелением князя Ярослава и сына его Володимира и архиепископа (позднейшая ошибка, следовало бы: «епископа») Луку»⁴⁰. Этот собор, сохранившийся до сегодняшнего дня, является древнейшим каменным зданием средневековой Руси на территории России (см. илл. 9 цв. вкл.).

В 1052 г. 4 октября в воскресенье «преставися Володимиr, сын Ярославль старейишии в Новгороде; положиша и в Новегороде в святей Софеи, юже бе создал сам». Погребение его не сохранилось. Но до 1439 г. оно находилось в юго-западном углу Рождественского придела, где впоследствии были помещены останки князя Мстислава Ростиславича Безокого, умершего в 1178 г.⁴¹

* * *

Ярослав Мудрый скончался 1 февраля 1054 г. в Киеве. Летописец так изображает дальнейшую судьбу новгородского стола: «По преставлении Володимиrе в Новегороде Изяслав посади сына своего Мстислава, и победиша на Черехи, бежа Киеву, и по взятии града преставь. И посади Святослав сына своего Глеба, и выгнаша из града, и бежа за Волок, и убиша и чудь»⁴². В этом небольшом сообщении немало противоречий. Прежде всего, Изяслав Яро-

---

³⁹ Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 2003. С. 59–70.

⁴⁰ Янин В. Л. Новгородские посадники. 2-е изд. М., 2003. С. 59–70.

⁴¹ Янин В. Л. Некрополь Новгородского Софийского собора. М., 1988. С. 131–135.

⁴² НПЛ. С. 470.

славич не мог посадить в Новгороде своего сына сразу же после смерти Владимира. Тогда он еще не был киевским князем и, следовательно, забота о новгородском столе оставалась вне его компетенции. Получив в 1054 г. киевский стол, Изяслав в том же году посылает в Новгород не своего сына Мстислава, а наместника Остромира, которого летопись титулует «посадником». Этот факт записан современником в приписке к «Остромирову Евангелию» 1056–1057 гг.: «Изяславу же князю тогда предръжящу обе власти: и отца своего Ярослава и брата своего Володимера. Сам же Изяслав князь, правляаше стол отца своего Ярослава Кыеве. А брата своего стол поручи правити близоку своему Остромиру Новегороде»⁴³. Поскольку это Евангелие было переписано для «посадника Остромира», Мстислав мог стать новгородским князем не ранее 1057 г. Между 1052 и 1054 гг. судьба новгородского стола остается неясной.

В дальнейшем перерывов в новгородском княжении не наблюдается. Конец княжения Мстислава датируется 1066 г. Д. С. Лихачев связывает битву на Черехе, положившую конец новгородскому княжению Мстислава Изяславича, с походом полоцкого князя Всеслава Брючиславича на Новгород в 1066 г.⁴⁴ Через год Мстислав был уже на юге, а вскоре умер. Его преемник Глеб Святославич, напротив, зимой 1067/68 г., как это явствует из надписи на Тмутараканском камне, княжил в Тмутаракани, но под следующим – 1069 – годом летописец уже называет его новгородским князем. По-видимому, он действительно получил новгородский стол от Святослава, хотя Святослав в 1068 г. и не был киевским князем. Это могло произойти во время семимесячного киевского княжения Всеслава, когда киевский князь Изяслав Ярославич вынужден был бежать в Польшу.

Упомянув о походе Всеслава Брючиславича, необходимо остановиться на некоторых его подробностях. Это было первое его нападение на Новгород: «Приде Всеслав и възъ Новгород, с женами и с детми; и колоколы съима у святыя Софие. О, велика бяше беда в час тыи; и понекадила съима»⁴⁵. Об этом эпизоде спустя более чем сто лет, в 1180 г., вспоминал новгородский князь Мстислав Ростиславич Храбрый, собираясь идти на полоцкого князя и аргументируя свое намерение тем, что «ходил бо беаше дед его на Новгород и взял иерусалим церковный и сосуды служебныя, и погост един завел за Полтеск»⁴⁶.

Второе нападение состоялось осенью 1069 г.: «месяца октября в 23, на святого Якова брата Господня, в пятничи, в час 6 дни, опять приде Всеслав к Новугороду, новгородци же поставиша пълкъ противу их, у Зверинця на Къземли; и пособи Бог Глебу князю с новгородци. О, велика бяше сеця вожаном, и паде их бещисльное число; а самого князя отпустиша Бога деля. А на заутрие обретесе крест честный Володимиръ у святей Софие Новегороде, при епископе Федоре»⁴⁷.

Между двумя этими походами произошло немало событий. 3 марта 1067 г. братья Святослав, Изяслав и Всеволод Ярославичи победили Всеслава в битве на Немиге, а 10 июля заключили Всеслава с двумя его сыновьями «в поруб» в Киеве. В 1068 г. братья Ярославичи потерпели поражение от половцев, после чего 15 сентября киевляне выпустили Всеслава из заключения и сделали его своим князем. Всеслав княжил в Киеве до 2 мая 1069 г., когда стол вернулся к Изяславу Ярославичу, который затем «прогна Всеслава ис Полочка, и посади в сего место брата его Святополка; Всеслав же бежа».

Вернул себе Полоцк, прогнав Святополка, Всеслав Брючиславич только в 1070 г. Следовательно, попытка снова захватить Новгород осенью 1069 г. была предпринята им не из Полоцка, а из изгнания. Указание летописи на потери, понесенные союзными Всеславу вожа-

⁴³ Остромирово Евангелие 1056–1057 гг. СПб., 1883.

⁴⁴ Повесть временных лет. Ч. 2. М.; Л., 1950. С. 96 и сл.

⁴⁵ НПЛ. С. 17.

⁴⁶ ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. Пг., 1915. С. 171.

⁴⁷ НПЛ. С. 17.

нами в битве на Гзени, прямо свидетельствует, что исходным пунктом его похода 1069 г. и, таким образом, местом, где он оказался после потери Полоцка, была Водская земля.

В 1981 г. при раскопках в Новгороде в слоях 60-х – 80-х гг. XI в. была найдена берестяная грамота № 590, содержащая краткий текст донесения «Литва встала на Корелу»⁴⁸ (рис. 10). Именно в Водской земле (или, что более вероятно, – на пути из Водской земли к Новгороду) и могло произойти отмеченное этим донесением столкновение литовцев из числа дружинников Всеслава с пограничными вождями карелами. Наличие литовцев в войске полоцкого князя более чем естественно, так как до возникновения Литвы как самостоятельного государства ее территория входила в орбиту полоцкого влияния.

Рис. 10. Берестяная грамота № 590 (фрагмент)

Полученное в Новгороде донесение информирует новгородцев о конфликте между литовцами и карелами в войске Всеслава, движущемся к Новгороду. Отнюдь не исключено, что внутренние конфликты стали одной из причин того сокрушительного поражения, которое Всеслав потерпел в битве на Гзени⁴⁹.

Под 1071 г. летописи описывают острейший конфликт в Новгороде, возникший после антихристианской проповеди некоего волхва, когда убежденные им многие новгородцы решили убить епископа Федора. Новгородцы «разделишася надвое: князь бо Глеб и дружина его идоша и сташа у епископа, а людье вси идоша за волхва. И бысть мятежь велик межи ими», закончившийся после того как князь Глеб зарубил волхва топором⁵⁰. Новгородский мятеж был только частью «восстания волхвов», охватившего тогда широкие пространства новгородской и соседней с ней земель.

В 1078 г. Глеб Святославич был убит во время похода за Волок, а новгородский стол перешел к Святополку Изяславичу. Составитель летописного списка новгородских князей так продолжает свой рассказ: «А Святополк седе на столе сын Изяславль, иде Киеву. И присла Всеволод внука своего Мстислава, сына Володимеря, и княжив 5 лет, иде Ростову; а Давыд приде Новугороду княжить и по двою лету выгнаша и. И приде Мстислав опять, и седе в Нове-городе 20 лет».⁵¹

⁴⁸ Янин В. Л. Я послал тебе бересту... 3-е изд. М., 1998. С. 265–266. Эта грамота при первой публикации была датирована неверно.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ НПЛ. С. 196.

⁵¹ Там же. С. 470.

Успехи боярства в борьбе за власть в конце XI – начале XII вв.

Впоследней четверти XI в. в Новгороде происходит ряд перемен, свидетельствующих об усилении местной аристократии (бояр) и ослаблении княжеских позиций. В 1088–1094 гг. в Новгороде княжит сын Владимира Мономаха Мстислав, которому в момент вокняжения исполнилось 12 лет. Воспользовавшись его малолетством, новгородское боярство создает параллельный князю орган власти, избирая из своей среды авторитетного участника государственного управления – посадника. В более раннее время посадником называли наместника князя, правящего тогда, когда новгородский княжеский стол по каким-либо причинам оказывался вакантным (таким «посадниками», в частности, были К^о-стянтин и Остромир). Отныне же боярский посадник сосуществует с князем. Этой акцией, очевидно, развивается пожалование Ярослава Мудрого, декларировавшего неподсудность новгородского боярства князю. Активность вновь учрежденного посадничества ярко продемонстрирована количеством найденных к настоящему времени, главным образом в Новгороде, привешенных некогда к выданным новгородцам документам свинцовых печатей «протопроедра Евстафия», отождествляемого с первым боярским посадником Завидом времени первого новгородского княжения Мстислава Владимировича: их обнаружено уже 36 экземпляров.

Утвердившийся с конца XI в. порядок превратил Мстислава Владимировича в знаковую фигуру. Когда в 1094 г. на его место из Киева был прислан князь Давид Святославич, то спустя два года новгородцы изгоняют, «не взлюби его». Причины изгнания Давида становятся очевидными при рассмотрении событий 1102 г., когда между Владимиром Мономахом и киевским князем Святополком Изяславичем было достигнуто соглашение, по которому новгородский стол должен был занять сын Святополка (по-видимому, Изяслав), а Мстиславу Владимировичу предназначался Владимир-Волинский. Этот ряд встретил возражения новгородцев, заявивших: «Не хотим Святополка, ни сына его. Аще ли две главы имеет сын твой, то пошли и; а сего ны дал Всеволод, а вскормили есмы себе князь; а ты еси шел от нас»⁵². После продолжительных прений новгородцы настояли на возвращении Мстислава.

Оба отмеченных события по своему характеру вполне аналогичны. И в 1096 г., и в 1102 г. новгородцы выступают против вмешательства киевского князя Святополка в устройство своего стола, защищая право на этот стол князя Мстислава Владимировича. Правовой принцип, положенный ими в основу защиты Мстислава, сводится к тому, что киевский князь в своих действиях, касающихся Новгорода, не может игнорировать распоряжений своего предшественника. Новгородское княжение, таким образом, рассматривается вне зависимости от династических судеб киевского стола. Нетрудно заметить, что этим принципом по существу формулируется идея независимости Новгорода («вольности в князьях»), но сама эта идея еще не обрела завершающей полноты. Это как бы один из начальных шагов в ее формировании. Еще один шаг угадывается в упреке Святополка, которому новгородцы в 1102 г. сетуют: «а ты еси шел от нас». Имеется в виду самовольный уход Святополка на туровский стол в 1088 г. вопреки требуемой новгородцами пожизненности княжения у них.

Анализ археологических материалов импортного происхождения показывает, что противодействие Киеву вызвало ответный шаг – торговую блокаду Новгорода. Киев на всем протяжении конфликта перерезал пути поступления в Новгород южных товаров⁵³. К рубежу XI–XII вв. относится важный этап становления прочных торговых связей с Готландом. В этот

---

⁵² Повесть временных лет. Ч. 1. М.; Л., 1950. С. 182.

⁵³ Рыбина Е. А. Археологические очерки истории новгородской торговли. М., 1978. С. 46–47.

период посадником был боярин Добрыня, скончавшийся в 1117 г., которому посвящена позднейшая «Повесть о посаднике Добрыне». Согласно этому преданию, Добрыня, получив от иноземных купцов некую мзду, согласился на перенесение православной церкви св. Иоанна Крестителя с тем, чтобы на ее месте была построена католическая ропата. За это преступление посадник был сурово наказан: возвращаясь с веча, он утонул в Волхове и был погребен без христианского обряда. Древнейшая Синодская редакция этой повести восходит к XII в., когда «отцы наши поведаша нам не утаися от нас, чад их». Как показывает анализ источников, речь идет об основании церкви св. Олава на Готском дворе, расположенном к югу от Ярославова дворища.⁵⁴

Учреждение боярского посадничества также не осталось без очевидных последствий. С началом княжения Мстислава Владимировича главная княжеская резиденция вернулась на Городище, где в 1103 г. была заложена и вскоре построена вторая каменная церковь Новгорода – Благовещенская, получившая свое посвящение, по-видимому, в связи с рождением сына Мстислава – Всеволода, названного в крещении Гавриилом (архангел Гавриил – участник евангельского сюжета «Благовещение»). Этот храм в XIV в. сменила новая одноименная постройка, разрушенная в начале 1940-х годов в ходе военных действий.

Ход дальнейших событий позволяет заключить, что ко времени княжения Мстислава относится еще одно важнейшее ограничение княжеской власти, известное из позднейших договоров: «... княже, тебе, ни твоеи княгыни, ни твоимъ бояромъ, ни твоимъ дворяномъ сель не държати, ни купити, ни даромъ приимати, и по всеи волости Новгородской»⁵⁵. Анализ ранних законодательных документов показывает, что в южной Руси частного права на землю не существовало до середины XI в., а в северной Руси – до рубежа XI–XII вв. К концу 10-х гг. XII в., как увидим далее, относятся предпринимаемые князьями меры по преодолению трудностей, создаваемых ограничением прав князя на владение вотчинами в Новгородской земле.

Поскольку летописное изложение собственно новгородских событий начинается только с 1113 г., сведения о первых посадниках-новгородцах извлекаются только из позднейших их перечней: «. Завид, Петрята, Костянтин, Миронег, Сава, Улеб, Гюрята, Микула, Добрыня.»⁵⁶. Летопись сообщает о смерти последнего в этом списке – Добрыни 6 декабря 1117 г.⁵⁷ С деятельностью же Завида – связываются многочисленные свинцовые печати «протопроедра Евстафия» (рис. 11), активность которого может быть объяснена только малолетством князя Мстислава в период посадничества первого избранного главы новгородского боярства. Все девять перечисленных здесь посадников действовали в хронологических рамках княжения Мстислава Владимировича.

Время княжения Мстислава, закончившееся в 1117 г., оставило нам в наследство несколько важных художественных памятников. Около 1106 г. был основан Антониев монастырь (см. илл. 12 цв. вкл.). В 1108 г. после долгого перерыва была продолжена по завещанию только что скончавшегося епископа Никиты фресковая роспись Софийского собора (древнейшие ее композиции относятся к середине XI в.). В 1113 г. началось строительство княжеской церкви св. Николая на Ярославовом дворище (см. илл. 13 цв. вкл.). В 1115 г. Воигост заложил каменную церковь св. Феодора Тирона на Софийской стороне. В 1116 г. ладожский посадник Павел начал строить каменные укрепления Ладоги, а князь Мстислав «заложил Новгород болей перваго». До сих пор продолжаются ученые споры о смысле этого сообщения. Одни исследователи полагают, что речь идет о расширении территории Детинца, другие уверены в создании более основательных стен новгородского кремля.

⁵⁴ Рыбина Е. А. Иноземные дворы в Новгороде XII–XVII вв. М., 1986. С. 16–19.

⁵⁵ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М; Л., 1949. С. 9–10, № 1 и аналогичные более поздние тексты.

⁵⁶ НПЛ. С. 164, 471–472.

⁵⁷ Там же. С. 204.

Вся эта яркая деятельность сочетается с военными походами новгородцев. В 1111 г. Мстислав ходил походом на Очелу (чудь), в 1113 г. на ятвягов, в 1116 г. снова на чудь.

Рис. 11. Печать Евстафия

В 1117 г. Мстислав Владимирович по воле Владимира Мономаха ушел из Новгорода в Смоленск, оставив вместо себя в качестве новгородского князя своего сына Всеволода. Эта перемена имела особый смысл, будучи основана на уже приведенном тезисе новгородцев «въскормили есмы собе князь». Для материального обеспечения Всеволода и его двора Мстислав, признавший недостаточным платимый князю новгородцами «дар», передал Новгороду из состава своего Смоленского княжества значительные пограничные территории (в том числе Молвотицы, Кунско, Березовский погост, Мореву, Жабну, Лопастницы, Буйце), ставшие домением Всеволода (рис. 14). Передача этих земель была обусловлена тем, что доходы с них поступали в распоряжение новгородского князя лишь в том случае, если этот приглашенный князь был прямым потомком Мстислава Владимировича. Если же его призывали из иных княжеских линий, домениальные доходы должны были направляться в Смоленск. Такой порядок соответствовал намерению Мстислава сохранить новгородский стол за своим родом⁵⁸.

⁵⁸ Янин В. Л. Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII–XV веков. М., 1998.

Рис. 14. Карта волостей, переданных из Смоленской земли

Как это очевидно из дальнейших событий княжения Всеволода Мстиславича, при его оставлении в Новгороде между Новгородом и князем был заключен договор, одним из несомненных условий которого была пожизненность пребывания Всеволода на новгородском столе. Другим условием оставалось ограничение власти князя – запрещение ему владеть какими-либо вотчинами на территории Новгородской земли. Существование этого условия демонстрируется деятельностью Всеволода, жалующего земли новгородским монастырям. Сохранились его жалованные грамоты Юрьеву монастырю на волховскую рель, которая в других документах именуется «княжеской», на погост Ляховичи и на волость Буйце⁵⁹. Все эти территории были переданы князем из состава его домениальных земель. Когда же брат Всеволода Изяслав, пришедши в Новгород, надумал основать Пантелеймонов монастырь в честь своего небесного патрона не на землях домена, то, чтобы обеспечить этот монастырь вотчиной, ему пришлось, по благословию епископа Нифонта, испрашивать эти земли у Новгорода, т. е. добиваться вечевого решения⁶⁰.

⁵⁹ ГВНП. С. 139–141, № 79–81.

⁶⁰ Там же. С. 141 № 82; Янин В. Л. Из истории землевладения в Новгороде XII в. // Культура Древней Руси. М., 1966. С. 313–324.

Во время княжения Всеволода новгородское боярство предприняло еще одно ограничение княжеских прав. Первоначально князь выполнял функции верховного судьи Новгорода. Теперь же был создан совместный («сместной») суд князя и посадника, в котором внешне главная роль оставалась принадлежащей князю (он скреплял решения своей привесной печатью), однако без санкции посадника князь не имел права выносить окончательное решение. В ходе раскопок в 1998 г. было открыто место заседаний такого суда, оборудованное в середине 1120-х годов и функционировавшее на протяжении пяти или шести десятилетий, что отразилось в более 100 найденных там берестяных документах, касающихся разного рода судебных конфликтов. Речь идет о все той же усадьбе «Е» Людина конца, которая в конце X – начале XII вв. служила местом концентрации собираемых податей.

Эта усадьба громадна. Ее площадь близка 1400 кв. м, тогда как соседние усадьбы имеют размер в 400–600 кв. м. Она не имеет признаков жилого комплекса, которому свойственны изобилие женских украшений, разного рода бытовой инвентарь, хозяйственные постройки, помещения для содержания животных, зачастую следы того или иного ремесленного производства. Ничего этого здесь практически нет. Постройки усадьбы характеризуются как административные. Такому заключению соответствует и невиданный в других усадьбах дворовый настил из 6-метровых сосновых плах, общая площадь которого достигает почти 130 кв. м (рис. 15). Настил, сооруженный впервые около 1126 г., несет следы неоднократного возобновления. В нем вырублены отверстия для столбов, в свое время поддерживавших навес. Следовательно, это сооружение предполагает, что здесь в любую погоду могли собираться люди для обсуждения своих непростых дел. Один из элементов административного ансамбля украшен тщательно вырезанной княжеской эмблемой.

Рис. 15. Настил на усадьбе «Е»

Заметное число берестяных грамот этого комплекса адресовано Петроку (Петру) и Якше (Якуну). Известно, что сместному суду были подведомственны все конфликтные дела – гражданские, уголовные, имущественные, торговые, поземельные, в том числе утверждение землевладельцев в правах собственности на вотчины и т. д. Очевидно, что повседневная деятельность этого суда не предусматривала участия в рутинном делопроизводстве самого князя, жившего в трех верстах от Новгорода на Городище. Его заменял «бирич» – полномочный представитель из числа знатных новгородцев. Участие же боярского посадника было обязательным: как уже отмечено, князь, согласно непреложной формуле договора с Новгородом, не имел права «кончать суд без посадника».

Якша идентифицируется с Якуном Мирославичем, который избирался посадником трижды – в 1137–1141, 1156–1160 и 1167–1170 гг. Помещение имени посадника в адресной формуле грамот на втором месте закономерно: формально приоритет в сместном суде принадлежал князю, который скреплял судебные акты своей печатью и получал за это печатную пошлину. Имя «Петрок» принадлежало биричу – в данном случае Петру Михалковичу, о котором летописец рассказывает, что он в 1155 г. отдал свою дочь замуж за сына Юрия Владимировича Долгорукого новгородского князя Мстислава. Впрочем, сочетание имен Петрока и Якши в комплексе административной усадьбы относится уже к чуть более позднему времени, нежели княжение Всеволода Мстиславича.⁶¹

Уточнение функций посадника и князя нашло существенное выражение в оформлении печатей этих двух институтов власти. Если при Мстиславе княжеская печать содержала патрональное изображение небесного патрона князя – св. Феодора и благопожелательную формулу «Господи помози рабу своему.» или «Спаси, Господи, раба своего.», то теперь этот сфрагистический тип был усвоен посадниками, а княжеская печать надолго стала содержать на одной стороне изображение святого патрона ее владельца, а на другой – изображение святого патрона его отца, т. е. обозначала крестильные имя и отчество князя. В частности, на печатях Всеволода-Гавриила Мстиславича-Феодоровича изображены сцена Благовещения (Дева Мария и Гавриил) и св. Феодор (рис. 16, а).

С самого начала княжения Всеволода принятие нового договора повлекло за собой конфронтацию боярского и княжеского институтов. Владимир Мономах и Мстислав Владимирович в 1118 г. привели «вся бояре новгородчкыя к Киеву, и заводи я к честному кресту, и пусти их домов, а иныя у себе остави; и разгнеवासя на ты, оже ты грабиле Даньслава и Ноздрью, и на сочького на Ставра, и заточи я вся»⁶². Здесь очевидно вмешательство киевского князя – прямого предка утверждающейся в Новгороде княжеской семьи – в новгородские дела и нарушение тезиса о неподсудности бояр князю. Какова же причина княжеского вмешательства?

Рис. 16. Печати.

а – Печать Всеволода Мстиславича; б – Печать Ивора Всеволодовича

⁶¹ Янин В. Л. У истоков новгородской государственности. С. 6—30.

⁶² НПЛ. С. 21, 204–205.

Косвенный ответ на этот вопрос дает анализ берестяной грамоты № 954, найденной в слое 1-й четверти XII в. (рис. 17). В ней сообщается о конфликте, вызванном действиями некоего Шильца, который «осрамил весь конец Людин», якобы напустив порчу на чужих свиней и на коней противоположной Людину концу стороны Новгорода. Слух об этом распространила Ноздрьча (жена или дочь Ноздрьчи). Жители Людина конца во главе с соцким Ставром отомстили за свое «посрамление» разгромом усадьбы Ноздрьчи, жившим, согласно летописи, на Даньславле улице Неревского конца⁶³. Грамота № 954, таким образом, раскрывает подоплеку расправы Владимира Мономаха над новгородскими боярами в 1118 г., политическая цель которой очевидна: ограничение новгородцами княжеских прав Всеволода Мстиславича потребовало напоминания о том, кому в системе Древнерусского государства принадлежит верховная власть.

В 1120 г. посадником становится Борис, не избранный боярством, а присланный из Киева по воле того же Владимира Мономаха.

Положение резко меняется в 1125 г., когда 19 мая скончался Владимир Мономах. Получив известие о смерти деда, Всеволод спешит в Киев на его похороны и интронизацию своего отца Мстислава, затем снова едет в Киев в 1126 г., но возвращается только 28 февраля 1127 г., когда, как сообщает летопись, «посадиша его новгородци на столе». Существо событий, которые привели к лишению Всеволода новгородского стола, возвращенного ему только в 1127 г., стало очевидным после находки в Новгороде на Городище свинцовой печати с изображением архангела Гавриила (небесного патрона Всеволода) и надписью «Спаси, Господи, кнзя Ивера Всеволодовича» (рис. 16, б). Так звали сына Всеволода, получившего в крещении имя «Иоанн». Всеволод женился в Новгороде в 1123 г.; имя его первенца названо в летописи под 1127 г., когда в его честь Всеволод заложил каменную церковь св. Иоанна Предтечи на Петрятине дворе близ Ярославова дворища и Торга, – и в 1128 г., когда он умер.

Рис. 17. Берестяная грамота № 954

В первое отсутствие Всеволода, как это очевидно, новгородцы на место киевского ставленника Бориса и отсутствующего Всеволода избрали малолетнего княжича, которому тогда было не больше двух лет. Печать сохраняет его крестильное отчество, но оформлена по типу посадничьей буллы. Во второе отсутствие Всеволода новгородцы избрали Ивора-Иоанна своим князем. Сохранилось около 30 его печатей с изображением святых Иоанна Предтечи и Феодора, т. е. оформленных по типу княжеской буллы⁶⁴. Киевский посадник Борис больше не упоминается в летописи, но сразу же после сообщения о возвращении стола Всеволоду в 1127 г. в ней говорится: «вдаша посадничество Мирославу Гюрятиницю», бывшему новгородским боярином, сыном Гюряты, посадника времен еще Мстислава Владимировича.

⁶³ Янин В. Л. Новгородская берестяная почта 2005 года // Вестник РАН. 2006. № 3.

⁶⁴ Янин В. Л. У истоков новгородской государственности. С. 23–28.

В 1129–1130 гг. события повторяются в той же последовательности и с тем же результатом, но в менее острых формах. Вслед за приходом на посадничество Даниила из Киева, присланного Мстиславом, Всеволод снова отправляется в Киев, а сразу же по его возвращении посадничество получает новгородский боярин Петрила Микульчич.

В обоих случаях назначение посадника из Киева порождает конфликт между новгородцами и княжеской властью, грозящий Всеволоду потерей новгородского стола. События 1129–1130 гг. объясняют ту легкость, с которой в 1117 г. новгородцы расстались с Мстиславом. С тех пор как на киевском столе утвердился Владимир Мономах, Мстислав – сторонник удержания Новгорода в орбите киевского политического влияния, тогда как в 1102 г. он не мог быть действительным сторонником такой политики. Киев тогда находился в руках Святослава Изяславича. Сам сделавшись киевским князем, Мстислав продолжает политику своего отца и не признает завоеваний новгородцев, ставя в затруднительное положение и своего сына Всеволода, которому, чтобы не потерять новгородский стол, приходится ездить в Киев и добиваться отмены распоряжений киевского князя. Между Всеволодом и Новгородом, таким образом, существует принудительный союз. Всеволод Мстиславич вынужден подчиняться новгородцам в вопросе о посадничестве, и только эти поездки в Киев, по-видимому, помешали в дальнейшем включить в список его преступлений против Новгорода нарушение договора о посадниках.

К 1130 году относится немаловажное, но не до конца ясное событие: «Того же лета отвержеся архиепископъ Иоанн новгородчкыи, седе лет 20, и поставиша архиепископа Нифонта»⁶⁵ (в обоих случаях ошибка позднейшего редактора – следовало писать «епископа»). В летописном списке новгородских владык об этом событии имеется следующее сообщение: «Иван Попьянь, седевь 20 лет, отвержеся архиепископья; сего не поминают»⁶⁶. Между тем, в псковских поминальных списках, в отличие от новгородских, владыка Иоанн упомянут среди всех остальных высших иерархов прошлого. Поскольку Псков сохранил верность князю Всеволоду Мстиславичу после его изгнания из Новгорода, можно догадываться, что причиной отказа Иоанна от владычной кафедры послужило его несогласие с позицией новгородского боярства по отношению к Всеволоду.

Во внутренней политике Всеволода Мстиславича заметно его стремление опереться на новгородское купечество и тесно связанных с Торгом ремесленников. В 1127 г., как уже сказано выше, он заложил, а к 1130 г. закончил строительство каменной церкви св. Иоанна Предтечи («Ивана на Опоках»), которая стала главным храмом Новгородского Торга, хранительницей эталонов торговых мер, а в дальнейшем местопребыванием объединения купцов-вошников, контролирующих движение товаров на рубежах Новгородской земли. В 1133 г. на Торговище, по соседству с храмом Ивана на Опоках, были построены две деревянные церкви – св. Георгия и Успения Богородицы. В 1135 г. эта церковь Успения была сооружена уже в камне.

Ко времени княжения Всеволода относится сооружение еще нескольких знаменитых храмов и их украшение. В 1117 г. игумен Антоний Римлянин закладывает сохранившуюся до сегодняшнего дня каменную соборную церковь Рождества Богородицы в Антониевом монастыре, а в 1119 г. завершает ее строительство; в 1125 г. она была расписана фресками. В 1119 г. Всеволод и игумен Кирыак основывают Юрьев монастырь с каменным соборным храмом св. Георгия, а в 1127 г. в нем сооружена каменная трапезная. В 1135 г. Рожнет заложил каменную церковь св. Николая на Яковлеве улице.

Созидательная деятельность этого периода осуществляется в весьма сложных условиях. В 1123 г., когда Всеволод руководил походом на емь, «лют бяше путь, яко купляху по ногате

⁶⁵ НПЛ. С. 22, 207.

⁶⁶ Там же. С. 473.

хлеб». В 1125 г. буря с градом разрушила хоромы и погубила много скота. В 1127 г. «поби мороз все обилье», и в Новгороде всю зиму люди страдали от голода и дороговизны; многие «падаша мертвы от глада», «а друзии разидошася по чужим землям». В 1131 г. поход на чудь привел к гибели многих новгородских воинов. В 1134 г. выгорел весь Славенский конец, в котором пожар уничтожил десять церквей.

В 1132 г. умер отец Всеволода Мстислав Владимирович. Киевским князем стал брат Мстислава Ярополк, который вызвал Всеволода на юг, предложив ему княжение в Переяславе и пообещав сделать его своим преемником на киевском столе. Переяславцы не желали принять Всеволода; он вернулся в Новгород, крестоцелование которому «хощю у вас умрети» было им нарушено. В Новгороде «бысть въстань велика в людех». К новгородцам подоспели псковичи и ладожане, Всеволод был изгнан, но, «паки сдумавше», ему вернули стол. Сложившаяся ситуация дала возможность новгородцам лишний раз подтвердить свою власть в дальней округе: Мирослав Гюрятинич получил посадничество в Пскове, а другой новгородский боярин Рагуил стал ладожским посадником.

В начале 1133 г. Всеволод ходил походом на чудь и взял город Юрьев. В следующем году им был предпринят безуспешный поход на Суздаль, вызванный желанием Всеволода посадить на суздальский стол своего брата Изяслава. После обильной людскими потерями с обеих сторон битвы при Ждане горе был заключен мир. Через год, когда возникла распря между киевлянами и черниговцами, мирить их был послан на юг посадник Мирослав, снабженный, по-видимому, противоречивыми инструкциями Всеволода. Мира между Черниговом и Киевом добился в конце года, уже после смерти Мирослава, новгородский епископ Нифонт.

Сумма всех этих событий привела в 1136 г. к свержению Всеволода Мстиславича. Снова призвав псковичей и ладожан, новгородцы заточили князя с семьей в епископском дворе, где круглосуточно дежурили тридцать вооруженных новгородцев.

Свергнутому князю были предъявлены следующие обвинения: 1. Не блюдет смердов; 2. Почему хотел уйти княжить в Переяслав?; 3. Почему с битвы (при Ждане горе) бежал первым?; 4. Зачем, пытаясь примирить киевлян с черниговцами, то приказывал помогать черниговскому князю Всеволоду Ольговичу, а то отступал от первоначальных приказаний?

Под стражей Всеволод Мстиславич просидел с 28 мая до 15 июля, когда он был изгнан из города. Поначалу новгородцы приняли на стол еще одного младенца – сына Всеволода Владимира, но уже 19 июля в Новгород пришел приглашенный князь Святослав Ольгович, брат черниговского Всеволода⁶⁷.

События 1136 г. известный советский историк Б. Д. Греков в 1929 г. назвал революцией: «Во второй половине 30-х годов XII в. Новгород пережил настоящую революцию, в результате которой явились новые формы политического строя (республика), уцелевшие, по крайней мере внешне, до самого конца самостоятельности Новгорода, и новое положение общественных классов, принимавших активное участие в этом движении»⁶⁸

---

⁶⁷ НПЛ. С. 24, 209.

⁶⁸ Греков Б. Д. Революция в Новгороде Великом в XII в. УЗ РАНИОН. Т. IV М., 1929. С. 21.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.